

МЕРАБ РАТИШВИЛИ

Джуга

РОМАН

Книга I

ქანკ

18+

Джуга

Мераб Ратишвили

Джуга. Книга I

«Автор»

2013

Ратишвили М.

Джуга. Книга I / М. Ратишвили — «Автор», 2013 — (Джуга)

Сюжет историко-политического романа освещает психологические портреты и скрытые стороны жизни исторических личностей, что дает возможность заглянуть за кулисы нашей новейшей истории и политики. Увидеть мистическую природу двух эпох и тесную связь между их героями. Стремления основных политических игроков влиять на мировые политические процессы, в которых важную роль играют тайные организации, влияния которых приобрели функцию мощного оружия. Но мистика и ирония истории этого романа в том, что «оружие» оказалось в руках тех, против кого оно когда-то создавалось, благодаря незаконному потомку двух заклятых врагов – Сталина и Троцкого.

© Ратишвили М., 2013

© Автор, 2013

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	41
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Задача писателя – говорить правду.

Его уровень верности правде должен быть настолько высок,

что придуманное им на основании его опыта

должно давать более правдивое изображение,

чем любое описание фактов.

Эрнест Хемингуэй

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*...Как случайность помогает закономерности.
Историческая закономерность осуществляется
через естественный отбор случайностей.
На этой основе разворачивается сознательная
человеческая деятельность, которая подвергает
случайности искусственному отбору.*

Лев Троцкий

Субботный день 17 сентября 1994 года подходил к концу. В Лозанне стоял тихий осенний вечер. Лето уже сдавало свои позиции, хотя все еще одаривало ласками усталый город. Заходящее солнце слепило редких прохожих, яркие блики витрин собирались в причудливые узоры на мостовой. В игре цвета прохожие невольно улыбались друг другу.

К подъезду гостиницы один за другим подъехали два BMW. Их обслужили не сразу: швейцар как раз провожал в здание нового посетителя. Когда он вернулся на улицу и увидел автомобили, то мгновенно изменился в лице и забеспокоился.

– Ах, ах, как это я не заметил, – швейцар, бормоча извинения, подбежал к первой машине и открыл правую заднюю дверь.

Из машины медленно вышел седой господин среднего роста лет шестидесяти.

Закрыв дверь, швейцар бросился ко второй машине, из которой показался мужчина средних лет. Швейцар вновь выразил свое почтение, извинился и закрыл двери BMW.

Седой господин задержался у входа на несколько секунд, ожидая других пассажиров. Швейцар, воспользовавшись этим, опередил его и распахнул перед ними высокие массивные двери.

Один за другим все четверо вошли в фойе. Один из прибывших явно пользовался большим вниманием и уважением – это было заметно по мимике и почти незаметным почтительным движениям других. Гости поднялись по лестнице и вошли в просторный зал с высоким куполом.

Там их приветствовали менеджер гостиницы и метрдотель ресторана. Менеджер, блондин среднего возраста, всем своим видом излучал значимость. По его движениям было видно, что именно он распоряжается хозяйством гостиницы. Он высокопарно поприветствовал гостей и даже подал им руку, чуть кивнув головой, чтобы выделить одного из четверых. Попутно он попытался выяснить, где бы хотели разместиться уважаемые гости.

В центре зала, под самым куполом, несколько диванов с креслами и низкими столиками создавали уют бара. Против бара, в глубине, отгороженный декоративными деревьями, был виден маленький зал, где стояло лишь несколько столов. На мгновение мужчины остановились. Потом один из них рукой указал направление, и они двинулись в глубину зала. В баре они обошли несколько столов и остановились у окна, за которым открывался превосходный вид на огромное, изогнутое подковой ущелье, похожее на дно древнего высохшего моря. На противоположном склоне ущелья уютно устроилась утопавшая в зелени деревня. Гости с видимым удовлетворением переглянулись – вид действительно был изумительным. Один из них огляделся и, увидев, что поблизости не было никого, кроме одинокой молодой девушки за столом в углу у витража, остался доволен. Его взгляд на мгновение задержался на девушке – эффектные славянские черты лица, роскошные золотистые волосы заплетены в большую косу. Опустив голову, девушка что-то писала. В гостинице живет, – подумал гость и обратился к остальным:

– Присядем, господа. Эта красота хорошо видна отовсюду.

Они бесшумно присели к столу у окна, все еще любуясь пейзажем, словно соглашаясь, что лучшего места для гостиницы не придумать. Было видно, что гости хорошо знают друг друга, что они бывали здесь и раньше и подобные эмоции овладевали ими не в первый раз.

Все четверо хорошо знали друг друга, их тесно связывала работа. Их непосредственные руководители – боссы, как они их называли, – согласовывали с их помощью важные вопросы, обсуждать которые письменно или по телефону считалось нецелесообразным. Все четверо работали советниками и были доверенными лицами своих боссов, которых заботила только глобальная политика и экономические проблемы. Так как их хозяева были уже пожилыми людьми, они полностью отвечали за согласование и решение вопросов.

Данная встреча была запланирована всего двумя днями ранее. Двое советников прилетели утром в женевский VIP-аэропорт всего с получасовой разницей. Они встретились там же, а потом на машине принимающей стороны добрались до гостиницы Beau Rivage на улице Монблан, на берегу Женевского озера. Третий советник прилетел после обеда и на той же машине отправился в отель. Как только он поселился, в номер позвонил менеджер гостиницы и сообщил, что двое джентльменов ожидают его в баре. Спустя десять минут советник присоединился к коллегам. Они приветствовали друг друга с улыбкой, но по-деловому. Бармену заказали еще один чай. Старший коллега с красноватым лицом спросил:

– Как долетели, Джозеф? Выспались?

– Спасибо, Сэм, без проблем. Спал часа три-четыре, я привык к этому.

– Жена не обиделась, что вы покинули ее на уикэнд? – спросил Сэм, улыбаясь.

– Она привыкла. К тому же я не оставил ее в одиночестве – она два дня проведет с детьми.

– А вот жена Жерома обиделась, – продолжил с улыбкой Сэм.

– Ничего, к следующим выходным я заработаю себе прощение, с улыбкой ответил Жером.

– Господа, как вы думаете, не может ли что-нибудь помешать завтрашнему вылету? – спросил Джозеф.

– Не думаю. Папа захворал, и ясно, что сегодня с ним не удастся встретиться. Позже месье Борис уточнит, в чем дело. Немного отдохнем и в пять часов отправимся в Лозанну. Если не устали, можем немного прогуляться по берегу. Погода хорошая, не жарко.

– Хорошая идея, – сказал Джозеф. – Неплохо было бы размять ноги, иначе можно отвыкнуть от ходьбы после семичасового сидения в кресле.

Жером пальцем начертил в воздухе фигуру, указав этим бармену, чтобы тот приготовил счет. Бармен подошел через минуту. В руке он держал серебристый поднос, на котором лежал листок с цифрами. Жером взглянул на счет, расписался и положил сверху пятидесятифранковую купюру. Затем все встали из-за стола.

У выхода консьерж предложил им машину, но Жером рукой показал, что в этом нет нужды. Все трое направились к светофору, перешли улицу и вышли на берег.

У озера былолюдно: бегали дети, некоторые катались на роликах. Фонтан над озером колыбался в воздухе от легкого ветерка, словно парус. Над струями воды повисла огромная радуга.

Сэм приостановился, посмотрел на фонтан, а потом, довольный зрелищем, сказал:

– Какое счастье провести старость здесь. Вот там, – он провел рукой слева направо и указал на противоположный берег озера по направлению «Колони» и парка «Овив», – стоит купить дом и жить. А то мы укроемся в лесу, в наших берлогах и...

– Скоро надоест, – прервал его Жером.

– Да, это верно, – сразу согласился Сэм.

Все трое пошли налево прогуляться по берегу, где народу было поменьше. Жером отстал на шаг и оглянулся назад. В движущейся толпе он узнал хозяйского водителя, который выделялся ростом из общей массы.

– Слышали, Сэм, о недавнем скандале с арабами по поводу фонтана? – догнал своих коллег Жером.

– Не хватало еще скандала с арабами. Что случилось? – спросил Сэм.

– Женевский кантон выпустил телефонный справочник, желтые страницы. На обложке было изображено озеро с фонтаном. А на берегу, приблизительно вон в том месте, – Жером указал рукой в сторону гостиницы Noga Hilton, – у машины стоят два араба и с восторгом глядят на фонтан. Один из них говорит по мобильному, наверное, с шейхом. И подпись: «Ахмед, мы в Женеве и здесь обнаружили белую нефть».

Сэм и Джозеф негромко засмеялись.

– И из-за этого устроили скандал?

– Да, Сэм. Они обратились в суд, мол, над нами, арабами, издеваются и этим рисунком оскорбляют нас.

Все опять засмеялись.

– Правильно сказали. Они наш юмор не понимают. Что же потом?

– А потом они выиграли дело в суде и заставили изъять из оборота весь тираж и заново выпустить уже с новой обложкой.

– Не удивляюсь, ведь это уже их город, – сказал Сэм с некоторым раздражением.

– Сэм, скажи правду, почему этот город уступили арабам? Климат не понравился? – иронично спросил Джозеф.

– Дело не в климате. Просто так нужно было. Они куда-то должны были вывезти свои деньги. Но куда? А сейчас здесь все шейхи, принцы, и их окружение поголовно контролируются. Поэтому нам пришлось в чем-то уступить. Иметь стабильные отношения с ними – вопрос очень важный. Деньги они инвестируют или у нас в Европе, или у вас в Штатах. Остаток сунули в матрасы, то есть привезли в Женеву. Это был приемлемый вариант для всех. Кроме того, тогда и время было другое. Что касается вашего вопроса, лучше обратиться к Жерому, это его специальность.

– Что скажете о цене на нефть, Сэм? – спросил Джозеф. – Не пора ли немного поднять ее?

– Наши боссы уже согласовали этот вопрос. Это произойдет в ближайшем будущем, чем и ОПЕК доволен, а то плакали – мол, уже погибаем. Цена медленно пойдет вверх. Несколько лет спешить не стоит, иначе все развалится. Промышленность и другие рынки должны следовать за нами, в противном случае все пропадет. Рынок высоких технологий также должен подтянуться. Пока что они на подъеме, надо раздуть побольше. А это требует времени.

– Боссы решили, что делать с Россией? – спросил Жером.

– Россия нуждается в помощи, но дозированной. Ей надо стать более податливой. Сейчас их не стоит притеснять, иначе она развалится, как это случилось с Советским Союзом, и тогда уж точно станут для нас головной болью. Мы не сможем их контролировать. Черт знает, у кого окажется чемодан. Три года тому назад, когда развалился Союз, все висело на волоске. Генералы до сих пор скрежещут зубами. С русскими надо работать последовательно и осторожно. Не перебарщивать, но и не пережимать. Нужна золотая середина. Чтобы не слишком возвысились и не очень упали. Вот что сегодня главное. Их надо держать на коротком поводке. Иначе флюгер у них быстро поменяет направление. Понадобится 10–15 лет, чтобы они немного пришли в себя, а там посмотрим.

– Они все равно деньги проедят, – ответил Жером, – а остальное вывезут сюда. Там уже хорошо работает миф о том, что деньги лучше всего хранить в Швейцарии. Здесь русские каждый год открывают сто тысяч новых счетов. Банки не справляются с обслуживанием. Начиная со времен Горбачева, после открытия границ, десять миллионов человек покинули Россию и ее сателлиты. С русскими нельзя шутить, иначе они здесь все затопчут. Даже по этому берегу мы не сможем пройти свободно. Они требуют контроля.

– Ты прав. По правде говоря, без нас русские все равно не смогут экономно управлять чем-либо. В свое время это признал даже Сталин. Сегодня наши шаг за шагом овладевают ключевыми отраслями, и мы серьезно им в этом помогаем. Мы поможем всем, кто не шумит и тихо делает свое дело. Пока там Ельцин, мы должны успеть создать новую касту. А потом, кто бы ни пришел, изменить что-либо он уже не сможет. Все будет зависеть от наших.

– По какому принципу выбрали Ельцина? Там же были и наши, обрусевшие, – спросил Джозеф.

– Это было бы слишком явно. Русские терпеливые, но взрывоопасные. Поэтому лучше, если они не спеша, потихоньку привыкнут к новым реалиям. Ельцин – нужный человек на этом этапе. Много пьет, эмоционален, а главное – податлив и нам не мешает.

– Наши аналитики пишут, что Россия на грани новой революции. Осень 93-го тоже напугала всех, когда Ельцин открыл огонь по парламенту, – включился Джозеф.

– Я удивляюсь и тебе, и твоим аналитикам. То, что случилось в прошлом году, было заранее подготовленной профилактикой, чтобы поставить на место реваншистов. Твой босс, кстати, внес большой вклад в это дело. Безусловно, он большой стратег, признаю. И еще, – он остановился и посмотрел на Джозефа и Жерома, какая революция происходит без нас?

Все трое заулыбались.

Не спеша они дошли почти до пирса.

– Может, вернемся? – спросил Жером.

Все трое оглянулись, и Жером заметил, что водитель тоже повернулся к озеру. Жером усмехнулся, а Сэм продолжил:

– Сейчас нужно как можно лучше выбирать людей и здесь, и там, тщательно выбирать, кому с кем и как работать практически, на местах. Это касается как России, так и ее бывших территорий. Вы также знаете, что боссы установили приоритеты, в какой последовательности продолжать работу на постсоветском пространстве: в России, Казахстане, Азербайджане, на Украине, в Грузии. Тот, кто контролирует эти территории, контролирует всех вокруг. Из них главная, конечно, Россия, но если ее не придерживать хотя бы с двух сторон, она выйдет из-под контроля. Русские любят играть, для них главное – верно подобрать роль. У них уже не будет нового Сталина, поэтому сейчас партия наша.

– Джордж ворчит, что приходится много тратить, не справляется, да и время поджимает, – с улыбкой сказал Джозеф.

– А что он ворчит? Пусть благодарит, что ему доверили это дело, желающих засунуть руку в карман упавшего было много. Впрочем, его долго не потерпят, скоро ему придется убраться, а до того он должен нам помочь. А когда наши встанут на ноги, то и сами справятся. Джорджу пока лучше укрепиться в других республиках. Когда вернусь, напомним боссу, что Сорос должен активизировать дело. Кстати, Джозеф, будет лучше, если предложение мы подготовим вместе. Того, что делает Сорос, явно недостаточно.

– Между прочим, покрасневшие мандарины оказались умнее. Никого к себе не подпускают, – включился Жером.

– С китайцами надо работать по-другому, они другой породы. С ними эти методы не срабатывают. Мой предыдущий босс еще во времена Мао сформулировал стратегию: «Надо довести мандаринов до такой красноты, чтобы они легко дошли до посинения, потом будет легче их укротить. Как только начнут просить кредиты, там уже будет не важно, какого они цвета». – Все улыбнулись.

– Хорошая формула! – согласился Джозеф. Тем временем он взглянул на вывеску Bank of New York, Inter Maritime на крыше здания и спросил:

– Жером, что слышно о хозяине этого банка? В чем он опять провинился?

– Ты о Раппопорте?

– Да.

– Что-то его пока не милуют. Имя банка он купил с помощью уступки в своей доле, но отношение к нему мало изменилось. Сами знаете – стоит один раз подпортить репутацию... Его не приняли ни комитет, ни еврейский конгресс. Его десять миллионов вернули ему обратно – мол, у нас люди другого авторитета. Кроме того, у него были громкие дела, а нам шумиха ни к чему. Знаете, кто директор его банка? Внук Гучкова, председателя третьей Государственной думы России.

Солнце коснулось горизонта, и радуга фонтана, опустившись к озеру, отразилась в глазах советников.

– Может, отдохнем немного? – спросил Сэм. – Скоро в путь.

– Неплохо было бы, – в один голос ответили коллеги.

Они аккуратно перешли улицу на зеленый свет и вернулись в гостиницу.

– В пять встречаемся внизу! – тоном начальника сказал Сэм.

Все трое направились к лифту.

* * * * *

У самой Лозанны они свернули с автобана на шоссе, ведущее в сторону гор, спустя десять минут перевалили через малый хребет и очутились в деревне. Здесь свернули налево и снова поехали вверх. Через некоторое время они подъехали к изгороди, прячущейся за подстриженным кустарником. Водитель нажал кнопку на пульте, и под электрический писк и мерцание лампочки большие ворота распахнулись. Машина прокатилась по каменной мостовой и, обойдя справа большую круглую клумбу, остановилась позади другого BMW точно такого же цвета.

Двухэтажное шале выходило окнами на Женевское озеро, на левом берегу которого надменно возвышалась седая вершина Монблана. Только верховный Творец мог создать подобную картину природы.

Гостей ждали. У дверей дома стояли невысокий седой мужчина и женщина средних лет. Мужчина спустился на две ступени и приветствовал приезжих.

Это был месье Борис. Близкие также называли его Бобром – сокращенный вариант его имени и фамилии.

– Надеюсь, поездка не утомила вас, господа? – бодро спросил Борис.

– Мне неловко, что пришлось так неожиданно разлучить вас с вашими семьями в уикенд. Тем более что наш старик заболел и встреча с ним наверняка не состоится. Так что всю ответственность я готов взять на себя.

Высокопарные сожаления Бориса, по тональности не очень-то походившие на извинения, гости выслушали уже в приемной.

Гостевая была обставлена просто и со вкусом. Композиция комнаты была выстроена вокруг камина, как и во всяком шале. Мягкая мебель и стулья были укутаны полотняными чехлами. Почти черный стол из массивного дерева стоял у окон, откуда открывался вид на внутренний сад. На стенах висели несколько черно-белых фотографий и гравюры с изображением старого города. На столе, как символ изобилия, стоял большой серебряный рог на серебряной же подставке. В нем помещались декоративный виноград и фрукты из черного серебра. У стены, слева от камина, располагался низкий инкрустированный шкаф для посуды, на котором стояли семейные фотографии в рамках и серебряная ваза со свежими фруктами. Рядом с мягкой мебелью стоял низкий стол из массивного белого мрамора со стаканами, крепкими напитками и маленьким серебряным ведерком для льда.

– Господа, есть предложение – чтобы оказаться в равных условиях, поехать в Лозанну и там поужинать. Что касается аперитива, предлагаю выпить здесь, чтобы снять усталость после поездки.

Все с улыбкой согласились. Молодая прислуга с немецкой внешностью и немецким акцентом обратилась к гостям, чтобы узнать, что те желают из аперитива. Пока она готовила напитки, месье Борис снова обратился к гостям:

– Сегодня разговор будет интересным. Старик огорчен, что не сможет лично встретиться с вами. Но поскольку мы с вами давно знакомы, думаю, мы легко пойдем друг друга. Уверен, ваши боссы также правильно оценят наше начинание.

Сэм обеспокоенно кивнул и приподнял брови:

– Месье Борис...

– Сэм, – перебил его Борис, – вот уже тридцать лет, как мы друзья. Для чего эта официальность, тем более в моем доме? Другьям и людям одного возраста необходимо меньше времени тратить на формальности. Мы и без того уважаем друг друга. Подтверждение этому – ваше внимание. Вы без колебаний откликнулись на нашу просьбу.

Сэм, довольный услышанным, с улыбкой кивнул.

– Борис, друг мой, в каком состоянии наш большой босс? И впрямь что-нибудь серьезное или дело в возрасте? – сказал он и посмотрел на своих коллег, показывая, что этот вопрос интересовал всех.

Борис кивнул, посмотрел на свой стакан, сделал маленькую паузу и начал с обеспокоенным видом:

– Коллеги, я ничего не собираюсь от вас скрывать и скажу, что он и вправду болен. Вы знаете, что еще и пары недель не прошло, как мы отпраздновали его 86-летие. И вот сейчас опять проявилась опухоль, которую подавили семь лет тому назад. Поэтому мы должны быть готовы к любому исходу. Позавчера его перевезли в клинику, недалеко отсюда, вблизи Лозанны. Это самая лучшая клиника. Я сегодня был там. Его личный врач и персонал делают все возможное, но чем кончится дело, никто сказать не может. Сам же босс беспокоится больше о том, что все, чем он занимался и делал на протяжении всей своей жизни, хоть и поставил на рельсы, но не успел довести до главной станции. Боится, как бы после его смерти кто-нибудь не свернул с пути. Вы знаете, что в комитете есть люди, которые разрабатывают краткосрочные планы, и некоторым из них наша стратегия кажется устремленной в бесконечность. Они хотят добиться всего и сразу, не довольствуясь промежуточными достижениями. Если бы наши предшественники думали так же, эти господа не имели бы того, что имеют сегодня. Деньги, конечно, важный фактор, но это еще не все.

Мы понимаем, что рано или поздно великому магистру по своей воле или по воле природы придется отойти в сторону и отдать бразды правления. Но если процесс интронизации не пройдет согласно существующей традиции, то за ним обязательно последуют изменения в уставе. Этим воспользуется и либеральное крыло, которое достаточно усилилось за последние годы. Все это приведет к изменению формата принятия решения, что чревато нарушением баланса сил. За этим также последует корректировка стратегии или, хуже того, ее полное изменение.

– Это недопустимо, – почти синхронно отреагировали гости.

– Поэтому, друзья, – продолжал Борис, – нам придется сделать очень серьезные шаги, чтобы мирным путем сохранить существующие достижения и сохранить ту стратегию, которой мы придерживаемся последние 30 лет. Каждый из нас хорошо представляет, что сулит нарушение баланса сил в комитете. Цепь экономических кризисов становится неизбежной, а за ней последуют неизбежные потери и, возможно, бесконтрольные военные действия. Если в комитете будет царить несогласие, то начнет лихорадить весь мир.

Внезапно Джозеф перевел взгляд с Бориса на коллег и мягким, вкрадчивым тоном спросил:

– Месье Борис, кто еще знает об этом? Знают ли о болезни папы члены комитета?

– От меня узнали только вы. Я ни с кем не связывался, не считая нескольких близких, в большинстве своем профанов. Пока особых оснований для тревоги нет, и поэтому я не считал нужным. . . Но завтра или послезавтра все равно в комитете об этом узнают. Поэтому нам необходимо определиться как можно быстрее и подготовить позиции для наших боссов. Что вы думаете об этом? – испытующе посмотрел на гостей Борис.

– Вы правы, времени терять нельзя.

Сэм посмотрел Борису в глаза, словно подтверждая, что он на его стороне и будет действовать вместе с ним. Потом он перевел взгляд на Джозефа и Жерома и в ожидании их реакции встряхнул в стакане апельсиновый сок со льдом.

Жером и Джозеф кивнули.

По лицу Бориса пробежала довольная улыбка.

– Давайте поедим поужинаем и обсудим все последовательно. Сегодня должна быть хорошая фуа-гра. Если вы не против, аперитив продолжим там же.

Гости хорошо знали, что Бориса с Palace Hotel связывали годы. В этой гостинице он сумел переубедить многих своих собеседников. Почти всем он предлагал игру на нейтральном поле, но в действительности лгал – это было его поле. Впрочем, чужие поля для него тоже никаких проблем не представляли. Не зря же его прозвали «Уссурийским тигром».

По установившимся в последние тридцать лет традициям, боссы комитета замещались своими советниками. Все контакты, добыча информации, анализ и работа стафа держалась именно на них. Чужой, не разбирающийся в тонкостях дела человек мог нарушить ритм текущего процесса, что вызвало бы раздражение и волнение других членов комитета. Когда главный принцип боссов комитета – всегда оставаться в тени – нарушался, в комитете сразу начинались лишние движения, перегруппировки, назревали кризисы, приводившие к тяжелым последствиям. Поэтому появление нового человека на месте любого босса в комитете всегда предвещало нарушение баланса.

Но замена великого магистра и председателя совета объединенного комитета своим личным советником казалась проблематичной. Личный советник был назначен председателем комитета из состава его членов. А при выборе председателя комитета устав предусматривал право каждого члена комитета быть избранным на пост председателя. По обновленным правилам, действующим на протяжении последних 30 лет, из 13 членов совета, входящих в правление комитета, предпочтение отдавалось пяти членам – боссам, большим магистрам и советнику главного босса. Сам действующий председатель в прошлом также был советником, но, как говорится, тогда были другие времена.

Большая история комитета ясно доказывала, что не всем было под силу преодоление кризисных ситуаций и сохранение стабильности. Поэтому основания для волнений действительно имелись.

* * * * *

Борис вышел из дома вместе с гостями. Его жена, седая женщина с южными чертами лица, за пятьдесят, проводила их до дверей. Борис выглядел энергичным. Видно было, что он полностью включен в игру, его глаза фиксировали все движения и жесты гостей. Сказалось и то, что он уже третий день фактически исполнял обязанности своего босса и не хотел выпускать из рук бразды правления. Последние десять лет он и так держал их в своих руках, но лишь как советник, находящийся под прикрытием своего босса. Сейчас он видел, что подобно боссу тоже имеет реальный шанс занять первый пост в комитете, который авторы теории заговоров называли тайным правительством мира. Месье Борис хорошо знал всю картину и распределение сил в комитете, знал, кто мог ему помешать, а кто – поддержать. Ставка была велика, поэтому было необходимо прочувствовать даже настроения союзников.

Месье Борис предложил Сэму сесть в машину рядом с ним. Жером и Джозеф сели в другую машину. Когда двинулись в путь, Борис воспользовался уединением и спросил:

– Сэм, мы старые друзья и коллеги. Для меня важно знать, что ты думаешь о создавшейся ситуации. – В ожидании ответа Борис внимательно смотрел на собеседника, пытаясь по выражению лица догадаться о его мыслях.

Опытный Сэм ответил вопросом:

– Как думаешь, сколько старик протянет?

– В клинике сказали, недель пять-шесть, на большее гарантии не дают. Остальное – Божья воля.

– А сам старик-то что говорит, не высказывал своего мнения? В каком он настроении, не впал в депрессию?

– Сейчас трудно говорить о его настроении. Ты и сам знаешь, что он крепкий орешек, все равно попытается не подавать виду. Семь лет тому назад, когда ему поставили диагноз «опухоль», держался молодцом. Не думаю, что сейчас впадёт в депрессию. – Чувствует, что его ожидает?

– Разумеется. Он же понимает, что возраст и время работают против него. Мы уже несколько раз обсуждали этот вопрос. Он говорил, что я должен продолжить его дело, что к этому надо готовиться, время, мол, не обманешь и надо быть готовым ко встрече с неизбежным. Но всегда намекал на твоего босса, что многое зависит от него. Поэтому он говорил, что если я решусь и продолжу его дело, лучше это сделать, пока он жив, поскольку после его смерти многое может измениться. Сэм, ты, наверное, понимаешь, что я не мог форсировать это дело по своей инициативе, – сказал Борис и еще раз взглянул на него.

– Ты же знаешь, он меня вырастил, я хорошо знаю каждый нюанс его характера. У меня ведь своей жизни не было, я все посвятил делу.

Сэм задумался. Его взор был устремлен на дорогу. Машина мчалась вниз по шоссе. Он не спешил отвечать. Борис его не торопил – знал, что Сэм сейчас переваривал и сопоставлял полученную информацию. Новая реальность требовала прагматической оценки.

– Наверно, проблема возникнет не в Лондоне, а в Нью-Йорке, – неторопливо начал Сэм.

– Если бы старик выздоровел на некоторое время и созвал чрезвычайное заседание комитета, было бы больше шансов для обуздания либералов.

Сэм, как ему представлялось, предложил самый надежный вариант. Борис по-другому оценивал ситуацию, хотя уже был доволен предложением Сэма. Пока он сам не знал, насколько был возможен созыв чрезвычайного заседания комитета при таком состоянии его босса, положение которого могло ухудшиться в любой день. Если будет назначено заседание комитета, а старик к тому времени не сможет встать на ноги, то этот факт, возможно, сработает против него. Но если босс умрет, у него в запасе будет два месяца до заседания комитета и он сможет соответственно подготовиться.

– Это надо хорошенько обдумать, Сэм, – ответил Борис, все еще погруженный в размышления.

– Ты прав. Все надо просчитать точно. Борис, я и, вероятно, мой босс тоже будем на твоей стороне, – сказал Сэм подчеркнуто дружеским тоном.

– Спасибо, Сэм. Я надеялся на тебя.

– Довольный ответом, он кивнул в знак одобрения, а после небольшой паузы продолжил:

– Как ты думаешь, что скажут молодые?

Сэм повернул голову к Борису и сказал с еле заметным недовольством: – Не думал, что ты пригласишь их в такой ситуации. Как ты думаешь, у них достаточно влияния на своих боссов, чтобы использовать их в этом направлении? Насколько они надежны?

– С ними можно иметь дело. А вот их боссы ориентируются только на старика.

– Думаешь, они захотят выставить свою кандидатуру?

– Они никогда не показывали такого желания до сегодняшнего дня. Но трудно сказать, что будет завтра. Так или иначе, это надо обсудить.

– Может, лучше ознакомить их с твоими планами? Возможно, это повлияет на их настроение.

– Попробую, друг мой.

Машины развернулись перед городским муниципалитетом и подъехали к отелю.

* * * * *

Когда они сели за стол, Борис на всякий случай спросил:

– Может, лучше перейти в зал ресторана?

– Думаю, и тут неплохо, даже приятнее, – с улыбкой сказал Джозеф и еще раз посмотрел на открытое пространство. – Посмотрите, какой красивый закат.

Сэм и Жером согласились:

– Здесь и впрямь хорошо, к тому же тут никого нет.

– Да, не считая той девушки, – добавил Борис.

– Не думаю, что она заинтересуется такими стариками, как мы, – приглушенно рассмеялся

Сэм.

Джозеф и Жером оглянулись, чтобы посмотреть, о ком шла речь. Борис с улыбкой кивнул Сэму и тоже бросил взгляд на девушку, которая сидела в уединении. С задумчивым видом она одной рукой игриво вертела кончик косы, а другой что-то писала, не проявляя никакого интереса к мужчинам. Она часто смотрела в зал, а иногда наблюдала за закатом.

– Все нормально, на клиента она не похожа, пусть сидит, не мешает.

Борис стукнул по колокольчику и посмотрел в сторону вестибюля, откуда с деловыми лицами вышли метрдотель и официант. Подойдя, метрдотель сразу спросил:

– Чем могу служить, месье Борис?

– Мишель, сделай так, чтобы соседние столы никто не занял.

– Понятно, – поспешно произнес Мишель. На трех свободных столах он поставил по одному жетону с надписью «Заказан» и вернулся к гостям. – Если желаете, я могу попросить девушку пересесть на другое место, – сказал он Борису с заговорщическим видом. Видно было, что он хотел угодить им.

– Нет, Мишель, не надо. Она нам не мешает. Кто она такая? – поинтересовался Борис и вновь окинул ее взглядом.

– Они русские. Ее кавалер ненадолго вышел. Девушка из Женевы, а он из Москвы. Заказали номер на сутки. Еще что-нибудь?

– Нет, Мишель, спасибо. Нам необходимо продолжить аперитив и поужинать.

Официант принял заказ и удалился.

– Что скажете, господа? Задал вам мой старик головную боль? – начал разговор Борис и в ожидании ответа посмотрел в глаза Джозефу, который сидел прямо перед ним.

– Было впрямь неожиданно. Думал, будем обсуждать новую тему, а оказались перед другой реальностью. Что поделывать, будем действовать исходя из этой реальности.

– То есть вы думаете, что мы сможем преодолеть трудности? – спросил Борис.

– Месье Борис, думаю, что в комитете не многие захотят запутать ситуацию. Особенно после того, как председатель достиг такой стабильности. Было бы неблагоприятным поставить под сомнение ту стратегию, которая принесла нам столько успехов. В случае обострения ситуации в комитете мы потеряем многое. Нам же не всегда удавалось успешно преодолевать кризисные ситуации. Думаю, ни у кого не возникнет желания начать бессмысленную войну против нас. Что скажете, Жером, будем ли иметь опору в Париже? – Джозеф повернул голову в сторону сидящего рядом Жерома. Борис был приятно удивлен таким неожиданным ответом Джозефа, но ничем не выразил своих чувств. Лишь незаметная улыбка мелькнула у него на губах. Хорошо, очень хорошо. Но как поступит его босс? Какова будет его реакция на сегодняшнее состояние старика и какие мысли возникнут у него потом...

– В Париже придется подготовить опору. Да и не только в Париже. Мы должны подготовить... нет, точнее, вы должны подготовить что-то такое, месье Борис, чтобы все увидели, что курс председателя остается без изменений, к тому же с сохранением масштабов и новой энергией. В концепцию можно также включить дальнейшее расширение. Может, действительно нужно побольше темпа и радикализма? Время требует, чтобы мы по-новому посмотрели на многие вещи. То, чего мы достигли за последние годы, результат нашей стратегии. Впереди нас ждет двадцать первый век, а мы до сих пор руководствуемся консерватизмом девятнадцатого.

Это выступление тоже было неожиданным, только на сей раз для всех.

– Кто-то в тебе разбудил либерализм, Жером, – с сарказмом сказал Сэм. – Твой босс тоже так думает?

– Он не может поступиться традициями. На все новое у него аллергия. – Все тихо засмеялись.

– Из десяти случаев семь раз побеждает консерватизм. Неправильная оценка этого... – он не закончил фразу. – Нашему делу спешка, шум и новшества не подходят, – тихо сказал Сэм.

Борис был доволен, что вместо него этот разговор повел Сэм.

Разговор нарушил уют малого зала. Девушка все отчетливее слышала степенный разговор четырех мужчин, но не понимала, о чем речь. «Боже, как скучно в таких местах. Ни одного молодого человека во всей гостинице. Кругом одни старики. Зачем он привел меня сюда? Хотя он знает, что я люблю шик, и старается угодить, да и себя показать. Нет, он хороший парень и, по-моему, любит меня. Иначе не стал бы меня так баловать. Но какой он упрямый, все делает на свой лад. Иногда он становится глухим к моим просьбам. Зацепить такого трудно. Не зря моя мама говорила: «Грузины – это тебе не швейцарцы, а о французах и говорить не стоит. За каждый потраченный сантим у них мочевой пузырь раздувается. Грузины и потратят, и хозяином положения будут. И заслуживают этого». Интересно, откуда моя мама так хорошо знает грузин? Ах, мамочка моя, знает ли отец о таком твоём опыте?»

Семья Ирэн перебралась жить в Швейцарию по приглашению «Церна», центра международных исследований по ядерной физике. Ирэн училась на последнем курсе магистратуры Женевского университета, на факультете искусствования. Ирэн очнулась от своих размышлений: до нее четко доносилась странная речь от противоположного стола, услышала она и знакомые имена.

– Как мне известно, большой босс лежит в онкологической клинике. Кажется, жить ему осталось немного, но на все воля Божья, и если до сегодняшнего дня все шло своим чередом, это еще не значит, что после его смерти члены комитета захотят продолжать в том же духе. Вам, месье Брон (Жером обратился к Борису по фамилии), так же как и нам, будет трудно защищать стратегию большого босса, которая, по убеждению многих, давно устарела. Знаете, что говорит Клинтон в своем окружении? «Нас заставляют всегда играть по старым правилам, не дают возможности освежить игровое поле». Не так ли, Джозеф, ведь есть такие разговоры? – Посмотрев на Джозефа, Жером продолжил: – А еще знаете, что говорит Билл, месье Борис? «Кеннеди тоже был в таком положении, сначала его вовлекли в Карибский кризис, а потом угробили. Мы развалили Советский Союз, но от этого пока никакого проку. Военный комплекс не удовлетворен масштабами, и на меня обрушивается волна нападков из сената и конгресса. И передышки не дают. Создают такие условия, что готов хоть сию минуту уступить место республиканцам».

Борис слушал внимательно, поглядывая то на Джозефа, то на Жерома. Он прекрасно знал все, о чем говорил Жером, но его позиция все же была неожиданной. Вероятно, Сэм был прав. Хотя то, что думают они сами и их боссы, – это одно, а позиция, которую они займут на деле, – совершенно другое.

Пораженная услышанным, Ирэн смотрела на них, раскрыв рот от удивления. Даже глаз не могла оторвать. Она была в шоке от услышанного. «Разрушили Советский Союз, Клинтон

ворчит, Кеннеди угробили». Кто они такие? Да еще «большой босс». Мафия, что ли?! – мелькнуло в голове. – Нет, не похоже, выглядят очень интеллигентно, одеты просто, как для уикенда. Хотя как знать. Один точно еврей. Тот, который сидит лицом ко мне, видимо, Борис, обращаются к нему «месье Брон». Значит, он Борис Брон. Ну, явно еврей. И тот, который рядом, наверное, тоже – рыжеватый мужчина с проседью и багровым лицом. Точно, идет разборка».

Официант вошел с холодным блюдом на руках. Вынул бутылку красного вина из серебряного ведра, стоящего рядом со столом, и еще раз наполнил все бокалы. Во время паузы в разговоре Ирэн старалась вникнуть, кто они и откуда. Потом вспомнила, что один разговаривал на плохом французском с американским акцентом. Он, должно быть, американец. А вот этот, который сидит с ним рядом, спиной к ней, явно француз – у него парижский акцент.

Закат окрасил небо в розовый цвет, и несколько маленьких облаков, как розовые фламинго, неслись по небу. В отсвете заката окно тоже казалось розовым.

«Куда Илья пропал? Наверное, магазин был закрыт, и он пошел искать другой. Я же не сказала, что по субботам в это время магазины закрыты, сейчас придет и будет меня упрекать. И будет прав».

Борис нарушил внезапно возникшую тишину:

– Должен признать, Жером, что я очень доволен этим откровенным разговором. С вашей стороны это настоящий дружеский жест, – уточнил он. – Я оказываюсь между двумя огнями. С одной стороны, надо сохранить стратегию моего босса и удержать сегодняшнюю ситуацию, а с другой – обратить надлежащее внимание и проявить уважение к либералам, а также предусмотреть их требования. Но я просто обязан выйти сухим из воды. Или, как говорят на Кавказе грузины: «И шашлык не пережарить, и шампур не сжечь». Именно так я и хочу поступить – если мы совместно решим, что им предложить, чтобы они не пошли против нас.

– Я постараюсь добыть их закулисные заготовки, после чего более точно сформулирую, что можно предпринять. Но на это потребуется время. Впрочем, с помощью Джозефа это можно сделать и побыстрее...

– Это возможно, но мне кажется... Лучше поговорить с ними прямо, узнать конкретные требования, чтобы в дальнейшем и их интересы были учтены.

– Тоже неплохо, Джозеф! – включился Сэм. – Но и так известно, чего хотят эти ваши либералы. Это больше свободы и возможности спекуляции на биржах, снятия ограничений для банков на кредиты, на резервный фонд, ипотеку и тому подобное. Они желают, чтобы финансовый рынок плясал под их дудку. Весь их либерализм состоит в снятии чужого куша. Что скажешь, Джозеф, не так ли? Они захотят провести своих людей и в Валютный фонд, и во Всемирный банк. Ну ладно, мы на время подбросим им один из них. А потом, когда они сломают шею...

– ...Если они сломают шею, это нам дорого обойдется. Что скажет твой босс, если мы пойдем таким путем и подбросим либералам-спекулянтам что-нибудь? Как ты думаешь, он останется довольным? Моего босса часто тревожат по этому вопросу, – сказал Борис.

Ирэн слушала. Ее мучили вопросы: «Кто они – государственные деятели, банкиры или политики? Откуда? Как странно они рассуждают – большой босс, Клинтон, угробили Кеннеди, разрушили Советский Союз. Недавно и грузинскую поговорку привели. Что у них общего с грузинами?» Она инстинктивно посмотрела направо и увидела Илью. Он направлялся к ней из центра зала и уже издали шутя грозил пальцем: «Ах ты, лгунишка, заставила зря побегать. Напрасно обошел пешком все соседние улицы».

Проходя мимо первого стола, Илья с улыбкой на лице и обычной вежливостью поздоровался со всеми. Они тоже ответили «бонжур, месье», лишь вскользь посмотрев на него. Но Борис, еще издали заметивший Илью, сразу догадался, что он не русский, а больше походит на грузина.

Илья приблизился к Ирэн и уже собрался упрекнуть ее вслух, как Ирэн приложила палец к губам и приглушенным голосом прошептала:

– Тс-с-с!

Илья удивился.

– Тихо. Садись, я все объясню.

– Не морочь голову. Знаю я твои штучки.

– Подожди, Илья, не слышу, – приглушенным голосом сказала она. – Ты не представляешь, какой тут интересный разговор идет.

– И не стыдно тебе? Обманула, заставила столько бегать, слушать меня не хочешь да еще подслушиваешь разговор каких-то глухих стариков.

– Подожди, вах! – сказала Ирэн с грузинской интонацией.

– погоди, все объясню. Не мешай, о нас говорят, о Грузии, о России.

– И кто они?

– Не знаю. Но говорят очень странно, – шепотом ответила Ирэн.

– Ладно, я закажу что-нибудь. Хочешь фуа-гра?

– Хочу, я проголодалась, пока ты бегал за другими женщинами.

– За кем тут бегать, дурочка? Такое ощущение, что попал в дом пенсионеров. Салат хочешь?

– Да, с крабами.

– Хорошо, мне надо на время в номер подняться, – сказал Илья, затем нагнулся к Ирэн и голосом заговорщика полушутливо продолжил: – Слушай внимательно, потом расскажешь. А еще лучше – запиши.

Он подошел к официанту, сделал заказ и вышел из зала.

Ирэн и впрямь принялась записывать: «Борис Брон, седой, с горбинкой на носу, высокими бровями, наверное, еврей. Джозеф – американец, лица не вижу, блондин. Жером – француз. Четвертый рыжий, седой, с багровым лицом. Видно, у них один большой босс. Его то большим боссом, то просто боссом называют. Значит, у них тоже есть свои боссы. Старика положили в онкологическую, возможно речь идет о большом боссе. Клинтон; наверное, имеют в виду президента Америки. О нем говорят так, как будто он их подчиненный. Кеннеди погубили. Значит, разговор идет о президентах. Разрушили Советский Союз. Можно подумать, что это их рук дело! По-моему, они не в своем уме. Говорят про убийство Кеннеди, но ведь это когда было! Сколько им тогда было лет? Нет, наверное, разговор идет об их боссе или об их организации. Точно мафия! Я где-то читала, что Кеннеди убила мафия. Значит, это правда – если они не сумасшедшие.

Рыжий о либералах сказал, что они хотят заставить финансовый рынок плясать под их дудку. Что весь их либерализм – снять чужой куш. Либералы, скорее всего, партия. Тогда почему упоминают босса?.. Вообще-то это американский стиль. Кто-то упомянул комитет и председателя. Должно быть, это одно и то же. Один из них также сказал, что «никто не имеет желания бороться с ними». Значит, насчет того, имеют ли опору в Париже, спрашивал Джозеф, а француз отвечал что-то о курсе босса, о масштабах, темпе, радикализме, мол, руководствуемся консерватизмом девятнадцатого века. И еще то, что нашему делу спешка, новшество и шум не подходят. Это, по-моему, тот рыжий сказал. Нет, точно мафия. Если большой босс умрет, нам, мол, придется защищать его стратегию. Хоть бы одним глазом увидеть, как этот большой босс выглядит».

Пока советники ели салат, Ирэн записала все, что смогла вспомнить.

Появился Илья. Проходя вблизи стола советников, он коротко бросил:

– Бон аппетит!

– Мерси, месье!

Илья подошел к Ирэн, выдвинул стул напротив нее и присел.

– Что делаешь? Еще не принесли? Здесь кушать невозможно, готовят так медленно, как будто ресторан переполнен. Посмотри, даже виски не принесли.

Не успел Илья закончить фразу, как рядом оказался официант, который поставил на стол стаканы для виски и два крабовых салата.

– Когда желаете фуа-гра?

– Минут через 15–20, пожалуйста, – ответила Ирэн.

Тишину за соседним столом нарушил Борис:

– Я сожалею о том, что не смог познакомить вас с новым проектом большого босса и мы обсуждаем только проблемы комитета. Борис сделал ударение на проблемах комитета.

– Я уверен, что проект если и не плод ваших идей, то он хотя бы подготовлен вами. Поэтому, если вы о нем расскажете, он не утратит своего блеска, – с улыбкой сказал Жером.

– Правильно! – включился Сэм в разговор.

– Возможно, этот новый проект положительно повлияет на ваши позиции в преддверии ожидаемых изменений.

– Этот проект действительно продуман и подготовлен мной. Но я думаю, что он имел бы иной вес и получил бы поддержку, если бы коллегам и членам комитета представил его сам старик.

– Борис, и так все знают, что подготовительные работы всегда проводили вы. Немного изменится, если вы его и будете представлять, – произнес Сэм тоном, не оставляющим возможности высказать иные соображения другим. Джозеф и Жером только кивнули.

– Ладно, друзья. Постараюсь изложить вкратце. В целом проект служит только укреплению текущей стратегии. Скажу и то, что вопрос о необходимости его осуществления встал перед нами после развала Советского Союза. Вы хорошо помните, что благодаря активности внутренних сил этот процесс продвигался вперед быстрее запланированного. Помните и то, что был момент, когда он чуть не вышел из-под нашего контроля, для чего пришлось попутно корректировать ситуацию, чтобы предотвратить неуправляемые процессы. Горбачев оказался слабым и колеблющимся правителем, а Яковлева практически отстранили от процесса правления и оставили нас без главной опоры.

Ирэн слушала внимательно, но ничего не записывала. Илья задумчиво жевал. Потом он посмотрел на Ирэн и спросил:

– Почему остановилась? Кушай. Давай выпьем для аппетита. За тебя, женевская «матрешка»!

– Почему «матрешка»? Ты меня раньше так не называл.

– Потому что такой косы, как у тебя, нет ни у кого не только во всем Женевском кантоне, но, возможно, и во всей Швейцарии.

– Только из-за косы?

– Ты что, хочешь, чтобы я и о другом сказал?

– Ты так скуп на комплименты, что их приходится из тебя вытягивать.

– Ладно. Об остальных твоих прелестях я расскажу ночью.

– Тише, подожди. Старик говорит что-то интересное.

– Короче, ни тост не даешь сказать, ни приласкать не позволяешь. Может, ты хочешь пересесть к этим старикам?

– Тише, я же просила, не слышу, – шепотом сказала Ирэн. – Ты же знаешь, как я люблю тебя, но мне так интересно, что с удовольствием пересела бы. – Потом добавила: – Если бы тебя здесь не было. Ты бы тоже заинтересовался, если бы понимал, о чем они говорят. Зная тебя, могу сказать, что ты даже опередил бы меня.

– Вижу, ты совсем свихнулась.

– Да, любимый, свихнулась. А сейчас прошу тебя – потише!

Официант убирал тарелки со стола советников. В разговоре наступила пауза, и мужчины неторопливо потягивали вино.

Ирэн положила пальчиками в рот ломтик креветки.

– Илюша, ты же любишь меня?

– Еще чего? Откуда взяла?

– Не упирайся, уже поздно. Ты не раз признавался, что я лучше всех твоих моделей.

– Такое не припоминаю. Тем более это не любовь.

– Я помню, притом хорошо. И остальное тоже помню.

– Наверно, я был пьян, иначе такого не говорил бы. Скажи прямо, чего ты хочешь.

– Сделай мне один подарок, мой негодник.

– Что? Негодники подарков не делают.

– Делают! Только подобные тебе, такие негодники и упрямые злюки.

– Вот после этого я сильно расположился сделать подарок.

Ирэн залилась таким радостным смехом, что это не оставило бы равнодушным даже самого угрюмого человека. Илья тоже засмеялся. Ему стало немного неловко – он вспомнил, что в этом доме пенсионеров, по его наблюдениям, никто не смеялся.

Смех привлек внимание и соседнего стола. Джозеф и Жером тоже повернулись и с улыбкой встретили звонкий смех Ирэн, которая прямо-таки излучала жизнь и молодость. Месье Борис бросил какой-то комплимент, на что Ирэн тут же ответила улыбкой:

– Мерси, месье!

Все оживились, у всех поднялось настроение.

– Все-таки эти русские красивы! – откровенно сказал Борис.

– Согласен! У них самые красивые женщины, – сказал Сэм тоном опытного человека. – Какое счастье быть молодым и не знать печали.

Мажорная нота взбудрила всех, и на несколько секунд даже самые мрачные мысли куда-то улетучились.

– Ты часто пользуешься своим психотропным оружием? Не советую, а то обесценится, – сказал Илья принужденно, нахмутив брови и с напускной строгостью в голосе.

– Ну что, мой негодник и любимый, обещаешь подарок?

– Да, давай выкладывай, чего хочешь.

– Не передумаешь?

– А потом кто ж тебя уймет?

– Тогда завтра едем, е-дем, е-дем...

– И куда это мы едем?

– В клинику, в больницу, – шепотом сказала Ирэн.

– Чего?! В какую еще клинику?!

– В онкологическую! – повторила она шепотом и добавила: – Поттише, не ори на весь ресторан от восторга.

– А что мы там будем делать?

– Я должна навестить своего деда.

– Ты что, разыгрываешь меня? Какой дед? Чей дед? Мы что, в Москву едем?

– Нет, это здесь, в Лозанне.

– Шутишь?

– Ничуть. Если я не навещу его сейчас, он может уйти из жизни, так и не повидавшись со мной. А это будет настоящим свинством с моей стороны.

– Ты никогда не говорила, что у тебя есть дедушка, здесь, да еще в онкологической клинике.

– Когда я могла это сказать?

– Понятно. Поэтому ты достала меня своими просьбами поехать в Лозанну.

В это время подошел официант, убрал со стола тарелки для салата и спросил: – Позвольте подавать фуа-гра?

– Да, да, готовы. Принесите также, пожалуйста, красное вино, ответила за обоих Ирэн.

К столу советников вместе с метрдотелем подошел сам шеф-повар в белом халате и торжественно поставил на стол четыре блюда. Состоялась традиционная для таких случаев короткая беседа.

Илья повернулся, чтобы посмотреть на эту картину, и спросил Ирэн: – Что им принесли?

– По-моему, у них тоже фуа-гра.

– Значит, тот тип и к нам подойдет.

– Ну да, прямо жди!

– Это почему?

– Потому что тот мужчина, который сидит у окна, – большая шишка. Возможно, он владелец этой гостиницы.

– Да брось. Эти повара бегают ко всем, только чтобы кто-нибудь их похвалил. Когда я захожу в «Парк Овив» или «Пер Дулак», даже если ничего не заказываю, все равно они все выстраиваются для приветствия.

– Если посчитать, сколько денег ты там потратил, они должны приходить готовить обеды прямо к тебе домой. Но женская интуиция подсказывает, что здесь иная ситуация. Если не помешаешь дослушать их, скажу более точно.

– Красавица, я доверяю твоей интуиции.

– Слава богу, дождалась-таки от тебя хоть одного приятного слова за весь вечер. Кстати, откуда такое доверие к моей интуиции? Давай, выкладывай.

– Потому что мы еще не были знакомы, а ты уже распознала, что я самый лучший.

– Ха ха ха... – звонко засмеялась Ирэн.

– Тише, тише, как-то неудобно. Ты же знаешь, здесь как на кладбище.

Ирэн еще громче залилась смехом, а вслед за ней расхохотались и Илья, и советники.

– Ладно, ладно, хватит. Неудобно, а то завтра не сможем поехать в клинику.

– Пардон, месье! – обратилась Ирэн к Борису за соседним столом.

– Перфе, перфе, мадам, – ответил тот и помахал рукой.

– Ладно, хватит тебе, – уже серьезно сказал Илья.

– Да-да, все, – Ирэн носовым платком вытирала глаза, – значит, завтра едем?

– Да, едем. К тому же в очень приятное место, – сказал с иронией Илья, – смотреть на умирающего!

– Любимый, я тебе потом все объясню.

Подали фуа-гра, и разговор на этом прекратился.

Все с удовольствием ели горячее блюдо. Илья поднял бокал красного вина и со всей серьезностью сказал:

– Хочу поднять этот бокал за дедушку, пожелать ему скорого выздоровления. Буду рад, если наш визит хоть немного облегчит его состояние. Из-за этого стоит потратить время.

– Спасибо, Илюша. Ты впрямь самый чудный и лучший из тех, кого я знала в моей жизни – после моих родителей, – ответила Ирэн.

– Знаю. Я действительно самый чудный. Хорошо, что и ты догадалась.

– Я хочу тебя поцеловать.

– Не надо сейчас, потерпи немножко, здесь неудобно. Твои пенсионеры с соседнего стола могут получить инфаркт.

– Ну, придвинься, любимый.

Ирэн сама подвинулась к нему через стол и поцеловала Илью. Настроение за соседним столиком явно изменилось к лучшему видимо, вино и смех Ирэн подействовали хорошо.

Советники оказались в приподнятом расположении духа, что побудило их вести разговор более раскованно.

– Мы, вероятно, еще успеем побеседовать завтра, до нашего отъезда, месье Борис. Но, может быть, вы в двух словах расскажете о наброске проекта.

– С удовольствием, Жером. В общих чертах...

Ирэн навострила уши. Илья почувствовал, что ее внимание было обращено к соседнему столику. Он захотел обернуться, но Ирэн догадалась и предупредила: – Не поворачивайся.

– Друзья, вам хорошо известно, что после развала Советского Союза Россия оставила в своих сателлитах горячие точки: Приднестровье – в Молдове, Карабах – в Азербайджане и Армении, Осетию и Абхазию – в Грузии, там военные действия закончились недавно. Напряженная ситуация и в Таджикистане, где вооруженной радикальной оппозицией управляют афганские полевые командиры. На Украине бурлит Крым и тянется к России. То есть Россия в состоянии манипулировать всеми своими сателлитами. А там, где не удалось создать горячих точек, она владеет финансовыми и административными рычагами. Всюду ключевые посты занимают их люди. Поэтому бывшие территории Советского Союза независимыми субъектами можно назвать только условно. Извините, что приходится повторять истину, которая и так вам превосходно известна. Вы также хорошо знаете, что сегодня Россию лихорадит, и этот процесс, вероятно, продлится еще несколько лет. Думаю, пока там происходят ментальные изменения, очень важно полностью подчинить ее нашему контролю и управлению. В какой-то степени подготовительный процесс проведен, но русские смотрят на все это так, будто ничего не видят и не понимают. Поверьте, это не так. Те сведения, которыми снабжают нас наши структуры и наши друзья, явно свидетельствуют об обратном. Скажу коротко, находясь даже в такой тяжелой ситуации, русские играют. Да, играют, и это у них хорошо получается. Не только играют, но еще и смотрят на все с иронией. А фон-то каков? Уступили Балтию, Кубу, Вьетнам, бросили даже Северную Корею – мол, сами за ней присматривайте. Ограничили отношения с Ираном. Не особенно полезли в бутылку и во время Иракской войны 91-го года. Уступили Югославию, это ясно, не говоря уже о Восточной Европе. Сегодня они вроде бы только о себе беспокоятся. В какой-то степени это так, хотя и не совсем. Все их действия, а точнее бездействие вроде говорит нам о том, что сегодня ваша партия, а нам не мешайте, помогите перестроиться и встать на ноги. К тому же они без проблем впустили нас в зону своих интересов. Там под разными вывесками уже работают десятки наших групп, и русские даже не имитируют сопротивление. Именно это и настораживает.

Ирэн торопливо записывала. Она уже заполнила несколько листков блокнота и спросила Илью, не поднимая головы:

– Есть чистые листы в блокноте?

– Да, есть. Для чего тебе эта чепуха? Что они говорят?

– Потом все расскажу.

– Что у них на уме? – спросил Жером.

– Как бы они ни открывались, они все еще остаются для нас неразгаданной тайной. Мы многого не знаем – ни об их военно-промышленном комплексе, ни о вооружении. Неизвестно, над чем работали в последние годы в Союзе. Известно, что у них есть один самый закрытый и засекреченный проект из всех, которые они когда-либо имели. Даже во времена Сталина мы объединенными усилиями добывали информацию с помощью пятой колонны. И это в то время, когда без ведома Сталина даже птичка не могла влететь в это огромное пространство. Да и вылететь тоже. А сейчас, когда империя практически распалась и достаточно всего одного дуновения, чтобы она развалилась окончательно, даже в такой ситуации никто из наших не может приблизиться к этому проекту. Известно, что восемьдесят процентов населения, включая военных, месяцами не получают зарплату, такая же ситуация и в военно-промышленном комплексе. Разве не удивительно, что при таких благоприятных условиях никто не может

выудить информацию? Создается впечатление, что даже пьяница Ельцин не может этого сделать. Что происходит?

По выражению лица Бориса чувствовалось, что он уже что-то знает, и все ждали, когда он это скажет.

– Мы имеем некоторую непроверенную информацию по этому вопросу. Скажу, кстати, что наша система добывания информации устарела также и в Штатах, и в Европе. Альянс остался без функций, все секретные ведомства стали тяжелыми и негибкими и в основном занимаются междоусобицей. Переход в следующий век с такой устарелой системой будет самоубийством. Комитет тоже устарел. Тот принцип правления, который функционирует в течение вот уже почти 30 лет, не может способствовать безопасной реализации нашей стратегии. Состав комитета тоже стал балластом. Я согласен с мнением Жерома, и здесь разговор идет не о либерализме. Многого надо менять, иначе в один прекрасный день все выйдет из-под контроля и мы окажемся ненужными.

Потом он сделал небольшую паузу, чтобы ощутить, что чувствуют его коллеги, и продолжил: – Скажу прямо, как друзьям, с которыми надеюсь продолжить более тесные отношения в будущем. Если мне суждено заменить старика и стать его преемником, мы должны работать вместе. Вместе мы должны изменить все и в комитете, и в странах. Большой босс в этом со мной согласен, но он сказал: «У меня не хватит сил и времени, чтобы реализовать это». В этом я с ним согласен. Вы знаете, что я вырос рядом с ним. Здесь речь не идет о механической замене, чтобы процесс интронизации прошел без проблем. Речь идет о выживании. В любой растущей системе обязательно слабеет контроль, и у меня есть основания полагать, что нас уже контролируют. – Борис, сознательно свернув с главной темы, говорил очень спокойно, равномерно и уверенно.

– Борис, лично я согласен с тобой, что систему надо менять везде и она должна отвечать требованиям современной ситуации. Но для этого, наверное, надо предложить что-то, и к тому же что-то такое, что будет принято без проблем.

– Дорогой Сэм, мы уже пребываем в такой реальности, что без проблем ничего не получится. После распада Советского Союза многие находятся в эйфории. А я больше боялся не Советов после Сталина, а России, которая почти развалилась. И к этому у меня также есть основания.

Илья тихо потягивал вино и с удивлением смотрел на Ирэн, которая тщательно конспектировала беседу с усердием лучшей студентки. Он представил, как она своими красивыми пальцами записывает лекции. Сидя на одном месте, Илья устал и механически нагнулся влево, опершись на подлокотник.

– Выпрямись, прикрой меня, – сказала Ирэн, не поднимая головы.

Илья выпрямился, но сказал недовольно:

– Не нравится мне все это. При желании они смогут прекрасно разглядеть твое отражение в окне.

Ирэн посмотрела на окно. На улице стемнело, и весь зал отражался в оконном стекле. Однако это не остановило Ирен – она продолжала писать.

Месье Борис будто не решался продолжить разговор, потом чуть кашлянул, отпил вина и вернулся к главной теме!

– Мы должны контролировать в России все. Не только политическое руководство, но и военное, и научное тоже. Это будет возможным только в том случае, если мы сумеем вовлечь русских в войну на своей территории и не дадим им возможности для передышки. Параллельно необходимо создать кольцо вокруг них. Такой план уже существует, но американская администрация почему-то медлит. Думаю, это ошибка, которую надо исправить. Клинтон слишком медлит. Старик спросил меня: «А не ошиблись ли мы, приведя его к власти?» Эти ваши демократы, Джозеф, всегда такие бестолковые. Они становятся заложниками своих деклараций, и

поэтому им потом трудно играть. Они со своим романтизмом всегда витают в облаках, и нам после них всякий раз приходится исправлять ситуацию. Республиканцы более грубые, но в таких делах – более пробивные.

В интонации месье Бориса уже чувствовалась власть, которую он никому не собирался уступать.

– Никакие советологи не могут мне объяснить, что такое Россия. Однако моего происхождения и происхождения нашего большого босса вполне достаточно, чтобы почувствовать и интуитивно понять заготовки русских.

Ирэн подняла голову и сказала задумавшемуся Илье:

– Оказывается, он русский, скорее всего, русский еврей. И его босс тоже.

– Что ты сказала? – не смог сразу очнуться Илья.

– Кто русский?

– Вон тот, что у окна сидит.

– Ну и что?

– Ничего, после скажу.

К столику советников подошел официант и предложил десерт. – Будет хорошо, если принесете ассорти, – сказал Борис с таким выражением лица, что официант сразу догадался, что ему следует поскорее удалиться.

– Параллельно мы должны серьезно войти на Украину и Кавказ, особенно в Грузию. Вы знаете приоритеты наших боссов. Другие страны, такие как Казахстан и Азербайджан, нам нужны для экономической стратегии, но преувеличивать их значение нельзя. Для геополитики гораздо важнее рассматривать Грузию и Украину в одной связке. Грузия же важна и еще с одной точки зрения.

– По какому принципу вы выбрали Грузию? Это же маленькая голодная страна с горячими точками, – спросил Жером.

– В том числе и из-за этого. Но гораздо важнее другое. Постараюсь объяснить вкратце. Может, кому-то это покажется мистическим видением, вызванным религиозным экстазом, но во всем этом есть рациональное зерно. Энергетические поля известны еще с древних времен. Тогдашние ученые называли их божественными жилами, это знание всегда держалось в секрете. Вы также хорошо знаете, каковы познания старика в древней истории, теологии и эзотерике. То, что я сейчас говорю, он подтвердил лично и даже дал определенные коррективы. На Кавказе есть несколько мест, где электромагнитные и сейсмические поля создают узлы. Например, северо-южное и восточно-западное, которые пересекают еще два поля: северо-восточное – юго-западное и северо-западное – юго-восточное. Специалисты уже дали нам результаты исследований узлов, картограммы и сейсмические карты, по которым выработана концепция. Проект еще разрабатывается, в нем сказано: «Сейсмическими жилами и электромагнитными полями можно управлять из их главных узлов». Это станет главным оружием XXI века, да и всего будущего тоже. Из этих узлов можно вызвать природные катаклизмы. Нельзя исключать, что русские в этом направлении уже достигли успеха. Над этим вопросом они работали еще при Сталине, но потом этот проект приостановился, как и многое другое. Андропов успел возобновить проект, и я не исключаю, что он уже у них в руках. В отличие от ядерного, это оружие не требует больших вложений для производства и хранения. Вы, наверное, уже догадались, что эти узлы находятся на территории Грузии. Нельзя исключать то, что русские это прекрасно знают. Поэтому они тянут время и не уходят из Грузии. Наоборот, они стараются занять плацдармы именно вокруг этих узлов. Случайность? Не думаю. Они ведь и сами хорошо понимают, что с военной точки зрения не имеет абсолютно никакого тактического значения, будут российские танки стоять в Армении или Грузии. Это касается и воздушного пространства, и других объектов военного назначения. Если русским известны эти узлы, то именно поэтому они и воздерживаются и стараются не создавать там лишнего напряжения.

Скажу вам больше, друзья. Наш научный центр «Ясон», который ведет сейсмический и космический мониторинг ядерных взрывов, провел специальные исследования в связи с этими узлами. Около Главного Кавказского хребта есть небольшая гора, которая является одним из важнейших узлов, а возможно, и самым главным на евразийском континенте.

Шумеры и евреи с древнейших времен называли эту гору Зубом Мудрости. Если этот зуб вырвать, Каспийское и Черное море воссоединятся с ближайших точек севера и юга. То есть территория от Астрахани до Таганрога, а на юге от Измира, покроется морем, и Каспий соединится с Персидским заливом, как это когда-то уже было. Как вам это нравится? Примерно шесть тысяч лет до нашей эры, до последнего большого потопа, морской массив имел точно такую конфигурацию. Фантастика, не правда ли? Я тоже так думал, пока все расчеты не оказались на столе Великого магистра. Старик подтвердил реальность этих соображений несколькими фактами из древнейших времен. В том числе миграциями народов, вызванными природными катаклизмами, и информацией, переданной пиктограммами и устно. Очень многое совпадает, но это уже большая тема, и я не буду вас сейчас утруждать. Интересно то, что из этих узлов можно получить такой же эффект и в других географических местах континента. От Японии до Великобритании и от Скандинавии до Индии. В следующем столетии этот регион станет одной большой горячей точкой. Русские как раз поэтому заранее поместили этот регион, как это делают волки в дикой природе. Тот, кто недооценивает русских, политически близорук.

Все сидели ошеломленные. В том числе и Ирэн, которая прекратила записывать и смотрела на Илью.

– Знаешь, мой любимый, о чем они беседовали?

– Я же по-французски не понимаю. Будет хорошо, если скажешь, а то я уже устал ждать.

– Говорили про Грузию.

– Я слышал несколько раз – «Жеоржи, Жеоржи», но о чем они говорили?

– Грузии угрожает опасность, дорогой. Так же, как и России. Я думаю, что они не мафия.

Они представляют разведку какой-то страны или что-то еще хуже.

Илья изменился в лице и покраснел от волнения.

– Они видели, что ты записывала?

– Кажется, да.

– Тогда вырви эти листы и передай мне незаметно. А ты продолжай писать.

– Да ты что?! Уже рука не двигается.

– Сейчас ты слушай и делай то, что я тебе говорю, – и так посмотрел на Ирэн, что она молча повиновалась. Ирэн вырвала несколько чистых листов, а остальные исписанные листы незаметно придвинула к Илье.

– Что писать?

– Пиши что хочешь, но только по-русски. Напиши своей бабушке или дедушке, которого должны завтра повидать. Напиши Папе Римскому или же мне напиши любовное письмо. Они же перестали разговаривать? А ты все продолжай писать и в их сторону даже не поглядывай. Ты хорошо поняла, что я тебе сказал? Илья волновался. Ирэн кивнула. За соседним столом уже не беседовали – официант принес десерт. Илья улучил момент, встал и сказал:

– Делай, как я говорю! Я скоро вернусь, – и вышел.

Официант поставил на стол перед Ирэн чай и пирожные. Он попытался заговорить с ней, но Ирэн только кивнула, и тот вынужден был удалиться.

Ирэн задумчиво погрызла ручку, бесцельно огляделась вокруг и вновь принялась писать. Она делала это настолько демонстративно, что не обратить на нее внимания было невозможно. Сэм, который и до того посматривал на девушку и видел, как она писала не поднимая головы, присмотрелся к ней повнимательнее. Но подозрения его быстро рассеялись – все выглядело так, будто девушка писала о чем-то своем, а кавалеру надоело ждать и он ушел.

Тем временем Илья вышел из гостиницы и осмотрелся. Он хотел убедиться, что это были именно те люди, о которых говорила Ирэн. Кроме двух BMW, он ничего не заметил – в автомобилях, как он разглядел, сидели только водители. Сначала он решил положить записи Ирэн в свою машину на стоянке, но передумал и поднялся в номер. Не включая свет, он подошел к зеркалу, чуть сдвинул его на себя и спрятал листки за ним.

Илья вышел из номера и спустился в ресторан.

Беседу продолжил Джозеф:

– Месье Борис, что-то подобное и мне доводилось слышать от физиков-сейсмологов Мичиганского университета, но без указания конкретного местонахождения. В качестве аргумента они приводили и то, что в начале века и деление атома казалось невероятным, но через каких-то сорок лет уже и атомную бомбу испытали. Так и сейчас – все считают невозможным создание такого оружия, но спустя каких-то десять лет это вполне может стать реальностью. В свое время ведь и Гитлер почти создал атомную бомбу, тогда как у нас над этим только начинали работать. Я не исключаю, что у русских уже есть успехи в этом направлении. Лучше будет и нам заранее подготовиться.

– Я тоже об этом, дорогой Джозеф, но кто может поручиться, что после того, как мы сообщим это комитету, русские не узнают об этом на следующий же день?

– За это никто не сможет поручиться, – включился Сэм.

– Если б не наша безмятежность и невежество контрразведки, у русских еще в течение многих лет не было бы атомной бомбы, сказал Джозеф.

– Вы попали в десятку, Джозеф. А знаете ли вы, что в этом вопросе русским помогли несколько членов старого комитета? Подарили им почти готовую бомбу! Из гуманных, конечно, соображений. Для нас это было шоком. Поэтому председатель нового комитета, наш большой босс, и отстранил от работы тех членов, которые были связаны с этим делом. Тому, что до сегодняшнего дня мы сохраняем стабильность, мы обязаны этим преобразованиям большого босса.

– Это действительно так. Успехи нашего комитета за последние 30 лет – полностью заслуга большого босса и ваша. Но я думаю, что мы постепенно наладим ситуацию. И в первую очередь в комитете. Если, исходя из сегодняшнего состояния большого босса, он уйдет в отставку и своим преемником назовет месье Бориса, это вдвойне увеличит наши и ваши шансы без проблем осуществить процесс интронизации. Если этот процесс не решится до кончины Великого магистра, мы все прекрасно понимаем и знаем, откуда ждать сопротивления и возможных ударов. Упаси бог, но если у русских появится возможность хоть как-то влиять на эти процессы, можно сказать, что всем нам хана. Однако я надеюсь, что дело пока до этого не дошло. Я не хочу даже думать об этом ведь мы и наши боссы не защищены в такой степени, как президенты стран. Наша сила и безопасность – в сохранении тайны нашей организации. Правда, некоторые члены комитета защищены в силу своего служебного положения, но боссы и большинство членов комитета никак не защищены. Если мы своевременно не примем меры, то скоро может возникнуть необходимость всерьез защищать комитет – если не от русских, то от своих же. Поэтому, второе – нужно изменить саму структуру комитета и принципы принятия решений по управлению таким образом, чтобы они соответствовали сегодняшней реальности. Вы же прекрасно понимаете, что электронная и космическая разведка развита настолько, что все мы ходим почти что голыми. И третье, для сохранения нашей стратегии необходимо, чтобы месье Борис стал Великим магистром, нашим большим боссом, как продолжатель сегодняшнего курса, созданию и развитию которого, вместе со своим патроном, он посвятил не менее тридцати лет. К тому же надвигающиеся опасности Борис предвидит лучше всех нас. Мы должны сплотиться в одну команду, чтобы защитить комитет. Если кто-то окажет сопротивление... – тут Сэм замолчал, как будто очнулся, оглядел всех и произнес: – то, кто бы это ни был, нам придется его нейтрализовать. Я ясно выразился?

Возникла небольшая пауза. Всем стало ясно, что если даже такой сдержанный человек, как мистер Сэм, склонился к столь радикальным мерам, значит, ситуация действительно серьезна.

– Спасибо за искренность, мой друг, но что скажут наши молодые друзья и коллеги?

– Я разделяю все, что сейчас было сказано, и готов действовать вместе с вами, – подтвердил Джозеф.

Борис и Сэм удовлетворенно кивнули. Молчание Жерома продлилось довольно долго. Настала неловкая пауза. Жером и сам чувствовал, что должен был что-то сказать – мысли троих коллег были направлены в его сторону. Молчание нарушил Сэм: – Что скажешь, Жером? Твое мнение и твоя позиция для нас имеют большое значение.

– Могу сказать вам одно. Я разделяю вашу позицию, которая не отличается от моего видения. Можете на меня надеяться, я стану рядом с вами. Но я сомневаюсь, что если большой босс назовет преемника, все согласятся с желанием умирающего человека и автоматически его поддержат. Тут надо придумать какой-то более эффективный ход.

Борис облегченно вздохнул. «Ну что ж, если за этими словами ничего другого не кроется...»

– Я с тобой согласен, Жером, – подхватил Сэм. – Автоматически ничего не происходит. Но я считаю более приемлемым разыграть этот вариант и построить на нем остальные действия, чем ждать, как долго протянет старик.

– Что ты подразумевал, когда говорил об эффективном ходе? – спросил Джозеф.

Жером продолжил после паузы:

– Месье Борис недавно упомянул, что Россию надо полностью взять под контроль. Если вопрос о появлении на территории России управляемых горячих точек подготовлен, в этой ситуации, наверное, задействовать этот проект будет оправданным. Тогда члены комитета будут вынуждены согласиться с предложением босса о его преемнике, продолжателе его стратегии. Думаю, что это дает шанс встретить меньше сопротивления и получить меньше ударов. Кроме того, у нас будет больше аргументов в пользу Бориса, почему именно он должен стать преемником Великого магистра.

– Правильная мысль, согласен! – с удовлетворением подтвердил Сэм. – Но насколько этот вопрос проработан, об этом, наверное, должен сказать месье Борис.

– Разработка этих проектов – как резервных – началась почти сразу после того, как президентом избрали Ельцина, еще до распада Советского Союза. Но всегда были какие-то причины, которые мешали этому. В том числе иракско-кувейтский кризис. Мы не хотели, чтобы какой-либо другой процесс перекрыл информационное пространство. Мы разработали несколько таких проектов. – Борис замолчал, что-то прикидывая в уме. – Сегодня 17 сентября. В принципе, для активирования какой-либо точки понадобится два-три месяца. Но будет ли у нас столько времени? К тому же для того, чтобы все это пришло в действие, нужен мой босс, да и твой босс, Джозеф. Наверное, и твой, Сэм. Я полагаю, что вы не будете спрашивать зачем. Скажу вам еще одно, друзья. Эти проекты с большим усердием подготовили и сами русские. Ельцин и сам в нем нуждается, поэтому не думаю, что с приведением проекта в действие возникнут большие трудности. В большей степени нам придется иметь дело с информационно-техническими процессами. Могут потребовать кредит, что с радостью встретят наши купцы. И тут опять встает вопрос времени. Но сколько продержится старик? Сможет ли он в таком состоянии поставить этот вопрос? Это мне трудно сказать.

– Если он встанет на ноги хотя бы на одну–две недели, можно будет созвать чрезвычайное заседание комитета и поставить оба вопроса, но... – предположил Жером.

– Нельзя полагаться только на это, – включился Джозеф. – Думаю, мы должны разработать и другие варианты. Притом до нашего отъезда.

– Согласен, Джозеф, – сказал Борис. – У меня есть некоторые соображения на этот счет...

– Если поделитесь...

– Разумеется. Скоро всем станет известно о положении старика. А до того я собираюсь действовать независимо, с вашей помощью.

Все переглянулись.

– Согласно Уставу обязанности босса до чрезвычайного заседания выполняю я. Я думаю, что уже могу действовать от его и от своего имени. Прилететь в Вашингтон и потом, на обратном пути, заехать в Лондон. Это в том случае, если вы согласитесь с такой очередностью моих визитов. Я собираюсь прямо поставить этот вопрос перед Клинтоном. Я уже говорил с ним спустя четыре месяца после его избрания. Успей мы это до завтрашнего или послезавтрашнего дня, потом могли бы одну неделю как-то потянуть, пока не всплывет история со стариком. Об этом знали бы только ваши боссы. Но у нас должна быть уверенность, что они пойдут за мной. Иначе мы ввяжемся в заранее проигранную игру. Я понимаю, перед какой опасностью оказываемся мы все, но, разумеется, всю ответственность возьму на себя, каким бы ни оказался удар.

Борис ждал, что хотя бы Сэм нарушит тишину, но и он впал в раздумье.

– Если вы не уверены в твердости позиций ваших боссов, постараюсь помочь. Кое-кто может выйти из игры.

Все посмотрели на Бориса. Было видно, что он не собирался отступать. Здесь решалась не только его, но и их судьба.

– Этот вариант мне кажется весьма рискованным. Поэтому надо все хорошенько просчитать, – невозмутимо сказал Сэм.

– Согласен, что тут есть и определенная неловкость, и риск. Но разве вся наша деятельность не такая же? Мы ведь бывали и в более сложных ситуациях, но выходили победителями. Наше дело должны делать мы сами и не можем перепоручить его другим.

– Было бы хорошо иметь немного времени, – сказал Джозеф вдумчиво.

– Если бы у нас было время, я бы об этом варианте и не думал. Но обстановка требует действия, притом немедленного. Старик в любой момент может уйти из жизни, – твердо возразил Борис.

В зал вошел Илья. Он подошел к своему столу, даже не взглянув в сторону советников.

– Где ты был так долго? Уже и не знала, что думать, – с улыбкой пожаловалась Ирэн.

– Все еще пишем?

– Ага, уже и рука болит. Посмотри, что с моим пальцем, – показала она покрасневший указательный палец.

– Ах ты, моя труженица! – Илья поцеловал ее пальцы. – А ну-ка, покажи, что написала, – Илья потянулся к бумагам.

Ирэн не хотела, чтобы Илья увидел, и попыталась накрыть листы руками, но было уже поздно. Илья недолго смотрел на листы а потом у него вырвалось:

– Твою мать! Ты опять за свое, да?!

– Не касайся моей матери, Лана тут ни при чем.

– Как раз и при чем, что родила такую дурочку.

Илья подумал, что за соседним столом могли что-то заподозрить, и, смеясь, сказал погромче: – Если не будет любовных, постельных сцен, по твоему сценарию фильм снимать не будут. Сегодня на такие фильмы нет спроса.

– У вас, у мужчин, только одно на уме, – со смехом ответила Ирэн.

Оба старались подыграть друг другу.

– Ладно тебе, не перебарщивай. Уйдем, достаточно, – добавил он тихо.

Оба встали и направились к выходу. Проходя мимо соседнего стола, Илья кивнул. Ирэн пожелала им доброго вечера. В ответ все также кивнули и вежливо раскланялись.

– Как ты думаешь, Борис, эти русские не наш ли разговор записывали? – спросил Сэм, провожая взглядом выходящую из зала пару.

– Когда мы пришли, девушка уже писала. По-моему, они говорили про какой-то сценарий и фильм с любовными сценами.

– Это очень актуальный вопрос в их возрасте, – подтвердил Жером.

– По-моему, ни один из них не был похож на киношников, чересчур импозантно одеты. Киношники же одеваются так, будто постоянно находятся в полевых условиях, или же наряжены для гроба. Середины у них не бывает, – произнес Сэм.

Когда Илья и Ирэн скрылись из вида, Борис стукнул по колокольчику на столе. Тотчас же появился официант вместе с метрдотелем. Борис рукой показал метрдотелю остановиться и поднялся ему на встречу, перехватил на середине зала и что-то тихо ему сказал. Метрдотель кивнул и удалился.

Борис сел за стол, извинился и продолжил:

– Да, господа, время работает против нас. Я не уверен в том, что через два-три дня не будут знать об этом. Если заработает тот сценарий, о котором я вам доложил, у нас будет уже пятидесятипроцентный шанс.

– Это все-таки риск, – сказал Джозеф.

– Вся жизнь такова, дорогой Джозеф. Если ничего не делать и только ждать, наши шансы уменьшатся еще больше. А риски... Завтра мы попробуем уменьшить их.

Борис сделал небольшую паузу и продолжил:

– Если у вас нет других предложений, попрошу обдумать эту тему сегодня, а завтра утром уточним план. Встретимся в офисе в 10 часов, – сказал он тоном безусловного лидера. Никто не протестовал.

* * * * *

Илья и Ирэн поднялись к себе в номер. В лифте он шепнул ей на ухо: – Когда войдем, у дверей что-то скажу.

Ирэн рассмеялась.

– Не пугай меня.

Илья открыл дверь, пропустил Ирэн вперед, но взял ее за руку, чтобы она не вошла в комнату, и, не отпуская ее, прикрыл дверь. У дверей же сказал: – Моя дурочка, ты что, хочешь впутаться в историю?

– Ты думаешь, они нас засекли?

– Я думаю, что среди твоих предков есть евреи.

– Почему?

– Потому что вопросом на вопрос отвечаешь.

– Если бы я имела еврейских предков, моя семья жила бы богаче.

– Я сейчас о другом.

– Не волнуйся, дорогой. Я думаю, им теперь не до нас. Тебе не интересно, о чем беседовали те джентльмены? – перешла к делу Ирэн.

Илья не отпускал ее руку. – Очень интересно. Поэтому переведи все, что записала, к тому же досконально.

– Ты в своем уме? У меня уже рука отваливается! Если хочешь, так расскажу.

– Нет, напиши, чтобы я мог понять как следует. Утро еще не скоро.

– Что?!

– В комнате говори что хочешь, но только об этом – ни слова. Если они те, за кого мы их принимаем, прослушка обеспечена, и тогда наши дела будут действительно плохи. Поэтому разговор об этом закончим здесь. Поняла, моя дурочка?

Он посмотрел ей в глаза и нежно поцеловал.

– Если понадобится что-нибудь пояснить, шепни на ухо.

– Ты думаешь...

– Уверен, что именно так.

– Они что, постоянно нас прослушивают? Выходит, и наш секс записали?

– Нет, постоянно не записывают. Только тогда, когда хотят взять кого-то под контроль. А так, если захотят, им не трудно будет и секс записать. Около зеркала большая папка для бумаг с эмблемой гостиницы, напиши на ней, а на последнем листе – что-нибудь похожее на сценарий.

– Это тебе дорого обойдется.

– Свой долг я искуплю этой же ночью, – сказал он и еще раз поцеловал ее. Потом подошел к зеркалу и достал листы. Включил свет в номере. Улыбающимися глазами указал Ирэн на папку.

– В понедельник у меня должен быть синопсис фильма, поняла? – браво сказал Илья.

Ирэн показала ему язык и забежала в ванную.

Илья попереключал каналы телевизора в поисках информационной программы, потом снял обувь и прилег на кровать одетым.

Вскоре вышла Ирэн в халате. Она повесила одежду на кресло, прилегла рядом с Ильей и прошептала на ухо:

– Я действительно сделала большую глупость, когда сунула нос не в свое дело, но это было так интересно и важно, что уже было глупо отступить. Ты перестанешь удивляться, когда оценишь то, что я записала. Я начну переписывать сейчас же. Если заснешь, разбужу, когда закончу.

– Хочешь, приласкаю для стимула? – сказал Илья со смехом.

– Издеваешься, да? Ладно, я это заслужила. Подожди меня. Смотри не засыпай.

Ирэн пришлось писать довольно долго. Она уже зевала.

– Прочтешь?

– Завтра. Выключи свет и ложись.

Илья взял со стола листы, вошел в ванную и сел на край джакузи. Внимательно прочитав перевод, он вырвал из блокнота листы с французским текстом и спустил их в унитаз. Еще раз перечитал перевод, спрятал листки за зеркалом и лег спать. Ирэн уже спала, и он не стал ее будить.

Илья, размышляя о прочитанном, долго не мог заснуть, пытаясь понять, насколько реально существование такой организации. Его особенно заинтересовал Борис Брон и его рассуждения о Грузии. Это было похоже на фантастику, но интрига уже захватила его целиком. Подсознание подсказывало, что они с Ирэн столкнулись с большой тайной. Ему и самому стало интересно, кто был этот старик – большой босс. В голове промелькнула история бабушки Ирэн. Нет, эта девушка точно без тормозов. Очень талантливая, усердная, с аристократическими манерами, но все эти качества с лихвой перекрывались авантюрным характером. Все-таки им следует быть осторожными. Из разговора видно, что какая-то тайная организация и впрямь существует – вряд ли Ирэн все это выдумала. Да и люди за соседним столиком вряд ли придумали такую историю специально для Ирэн.

* * * * *

Илья и Ирэн проснулись одновременно. Было уже одиннадцать, но они не спешили вставать и лежали молча, находясь под впечатлением вчерашнего разговора.

Ирэн относилась к той категории женщин, которые уверены в своей исключительности и всегда стараются подчеркнуть свое превосходство.

Изысканные манеры позволяли ей, как уверенному в себе человеку, везде держаться достойно и свободно. Она никому не позволяла ущемлять своего самолюбия. Планку жизни всегда держала высоко и с этой высоты оценивала и себя, и окружающий мир. Энергия молодости, жизнерадостность и шаловливость били через край. Но среди сверстниц ей было скучно, скорее всего потому, что среди них не имелось достойных соперниц. Сверстники были для нее в основном объектами иронии и насмешек. Она открыто говорила, что они не смогли бы дать

ей то, что она заслуживала. А женских достоинств – вместе с гибким и прагматичным умом – у нее было действительно предостаточно.

Илью, кроме чисто женской красоты и манер Ирэн, очаровывало ее естественное благоухание. Может быть, это означало для него больше, чем красота молодой женщины. Когда они только познакомились, он улучил момент и принялся к ней, как к цветку, и это оказалось решающим фактором для того, чтобы их отношения стали ближе обычного. Он быстро разгадал многие из ее качеств, но не спешил, желая перепроверить свое первое впечатление.

Ирэн тоже оказалась подготовленной. Она знала об Илье достаточно еще до их знакомства. Женева, как и Москва, в принципе была тоже большой деревней. Местные внимательно присматривались ко всем, кто часто приезжал из Советского Союза, а Ирэн уже считалась своей. Да и инициатива знакомства тоже шла от нее, сделала она это так ловко, что никто об этом не догадался бы, но от наблюдательного глаза Ильи эта «случайная» комбинация не ускользнула. Впрочем, его это только расположило к Ирэн. «Молодчина!» – подумал он тогда.

С первых минут между ними началась психологическая игра. Илья с удовольствием принял эту игру, поэтому и расстояние между ними с самого начала было коротким, и каждая новая встреча сокращала его еще больше, так что довольно быстро все стало на свои места. Игра продолжалась, но больше по инерции Ирэн должна была чувствовать себя достойным партнером. Они нравились друг другу – это заметил бы, наверное, и посторонний глаз. О любви разговор не шел, но ее с лихвой заменяло стремление друг к другу.

Ирэн тоже прекрасно чувствовала, как действовало на Илью ее очаровывающее женское благоухание. Может быть, именно поэтому она не употребляла духов и извлекала коробочку с макияжем только изредка, ради формальности – ей, щедро одаренной Творцом, хватало природной красоты. Она и за собой ухаживала по-особенному – так, чтобы это не бросалось в глаза и не надоедало. Илье это нравилось, он считал, что не у всех женщин есть талант ухода за собой, многие из них часто думают, что для этого достаточно жеманства и косметики. Ведь ухоженная женщина гораздо важнее для мужчины, чем то, каким цветом она нарисует глаза или губы. Гордячки часто не догадываются, почему их бросили, ищут тому тысячу причин и даже находят их, но к реальности эти причины никакого отношения не имеют. Илья, может быть, и справедливо, но все-таки критически смотрел на этот вопрос и думал, что люди вместе с очарованием, красотой и характером должны обладать и особым ароматом, и эстетикой. Если заранее не определишь и не приспособишься к этому, жизнь с таким человеком легко превратится в мучение. Мы ведь, люди, являемся носителями животных инстинктов, и некоторые законы животного мира на нас тоже распространяются. Часто мы и не понимаем, откуда берется отрицательный настрой или даже ненависть тому или иному человеку. Ты можешь познакомиться с красивым и умным человеком, но потом и видеть его не захочешь. Почему? Аромат, манера разговора, тембр голоса, взгляд, мимика, жесты и, разумеется, эстетика – все, что выражает внутреннюю природу, – все это воздействует на нас – явно или тайно.

Илья, наблюдая за людьми, часто размышлял на эту тему. Что же касается Ирэн, то в этом смысле у них была полная гармония. В ней Илье нравилось почти все. Однако было и такое, что становилось препятствием для его далеко идущих планов.

Он часто думал, что существуют такие женщины, быть рядом с которыми – почти счастье, но для тихой, семейной идиллии такая женщина казалась невозможной спутницей. Можно и влюбиться в такую женщину, как Ирэн, но как жена... Нет, в жены она не годится. Женщину-нарцисса не то что в жены нельзя брать, но и близко к себе подпускать не рекомендуется. Такая женщина не сможет создать семейного тепла. «И все же что же тебя тормозит? – спрашивал Илья самого себя. – Какая черта ее характера не подходит твоей натуре?» В конце концов он все же признался самому себе. В Ирэн его настораживали черты хищника, который постоянно находится в поисках жертвы. Излишнее любопытство, быстро трансформируемое в целенаправленное действие. Засада и... жертва бьется в когтях. Илья держался подальше от

обсуждения подобных вопросов и от разговоров о женитьбе мягко уклонялся. Только дружба, и то посмотрим, до каких пределов.

Даже сквозь тяжелые портьеры яркий утренний свет пробивался в номер.

– Ах, как пить хочется, появился бы набожный человек, дал бы глоточек водицы испить.

Не спала б моя красавица, дала бы напиться...

– Вода рядом, – сказала Ирэн, зевая.

– Протяни руку.

– Знал ведь, что ты не набожная, но теперь уж точно убедился.

– Ах, ну с кем же я связалась? Ты настоящий тиран. Не успела проснуться, а ты уже начинаешь меня эксплуатировать.

– Ой, сколько слов! За это время я успел бы и напиться, и спасибо сказать.

Ирэн вспомнила о больших планах на сегодня. Если бы они долго провалялись в постели, потом Илья мог придумать какую-нибудь отговорку. Ну нет, этих мужчин надо постоянно направлять, чтобы заставить их что-то сделать.

Ирэн вскочила с постели, в два прыжка оказалась около окна и распахнула занавес. В комнату ворвался ослепительный свет. Илья зажмурился.

– Что ты делаешь, посредница дьявола? Я ведь воду просил, а не свет!

Голая Ирэн стояла в струившемся из окна свете и от души смеялась – так, как смеются счастливые женщины. В лучах света формы Ирэн были бесподобны. Илья не сдержался:

– Твою мать! Какая ты красивая!

Ирэн расхохоталась.

– Ах, как здорово, что я тебя разозлила. – Она повернулась на цыпочках и вызывающе плавно направилась в сторону бара, потом кокетливо оглянулась на Илью.

– Ах, мама Лана, ну как же ты такую родила?

Ирэн достала из бара бутылку «Эвиан» и опять на цыпочках подбежала к Илье.

– Вода подана, мой повелитель!

Ирэн старалась принять серьезный вид, но у нее не получалось. Илья взял у нее бутылку, присел, и сделал несколько глотков. Ирэн не шевелилась, только вызывающе улыбалась.

– Это все, мой повелитель?

– Нет, моя голая рабыня, не все.

Неожиданно он схватил ее левой рукой, правой подхватил ее бедро, и она полетела на кровать. От неожиданности Ирэн вскрикнула, но было уже поздно – она, раскинувшись, лежала на постели, а Илья оказался сверху.

– Утренний моцион, красавица, – прошептал он ей и нежно укусил мочку уха. Ирэн вновь вскрикнула и пустилась в водоворот страстей.

* * * * *

Стоял полдень, но для них обед считался завтраком. В ресторане за столом Илья испытующе посмотрел на Ирэн и спросил:

– Ты от меня ничего не скрываешь?

Ирэн довольно рассмеялась. Было видно, что она хитрит.

– Ты и впрямь шкатулка с сюрпризами. Где ты выкопала своего дедушку?

– Ты внимательно прочел все, что я перевела?

– Да, очень интересно. Приблизительно я уже догадываюсь, кто они.

– Кто?

– Чуть позже скажу. Они тоже про онкологическую говорили. Что за интересное совпадение. – Илья с прищуром посмотрел на Ирэн. В ответ она встретила его лучезарной улыбкой.

– Да, удивительное совпадение!

Илья все понял, но продолжил игру – этот старик заинтересовал и его. Ирэн кокетливо посмотрела ему в глаза.

– Что за проблема, дорогой, – проведать одинокого старичка? Если бы ты попросил повидаться с твоим дедушкой, разве я отказалась бы? – надув губки, сказала Ирэн.

Илья рассмеялся.

– Повидаться с дедушкой, да? Ладно, поедем. В крайнем случае, узнаем на ресепшене, где лежит этот твой дедушка...

...Из Лозанны они поехали по направлению к Женеве. В получасе езды по шоссе находилась клиника «Женолье», погруженная в сказочный мир природы. Из этого места открывался завораживающий вид на озеро Леман, которое было окружено зелено-желтыми горами, представлявшими собой продолжение массива альпийской цепи. «Женолье» считалась самой современной клиникой в мире. Здание больше походило на пятизвездочную гостиницу, чем на больницу.

– Скажи заранее, чтобы не проскочить поворот, – сказал Илья. Мне очень интересно, как ты собираешься найти этого твоего дедушку.

– Предоставь это мне, – самоуверенно сказала Ирэн.

Оставив машину на стоянке, они направились к главному корпусу. В приемной клиники было неожиданно многолюдно. Ирэн скользнула глазами по висящей на стене приемной информационной доске, подошла к дежурной и деловито сказала:

– Бонжур, мадам. Я хотела бы увидеть месье Зеллера.

– Месье Зеллера сегодня нет. У вас была назначена встреча?

– Да, мадам.

– Сегодня в онкологическом отделении дежурит его заместитель. У вас что-нибудь срочное?

– Да, мадам. Мне нужно срочно привезти больного из России, и я хочу обговорить детали. Как мне сказали, у вас есть свободная палата. Желательно ее осмотреть.

– Если бы вы пожаловали завтра, мадам... Был бы и месье Зеллер...

– Это невозможно, мадам, у нас завтра самолет.

Дежурная посмотрела в монитор компьютера.

– У нас свободен только «джуниор-свит», 600 франков в сутки.

Ирэн посмотрела на Илью.

– Знаешь, сколько стоит здесь палата? 600 франков в сутки.

Дежурная подумала, что цена оказалась высокой, но Ирэн уверенно продолжила:

– Мне сказали, что будет «президент-свит».

Женщина вновь посмотрела в монитор.

– «Президент-свит» уже занят. Сожалею, мадам.

– Как? Всего неделю назад мне сказали, что зарезервируют его для моего дедушки!

– К сожалению, мадам, с 14-го числа палата занята.

– Очень интересно, кто его занял.

– К сожалению, мадам, я не имею права разглашать имена пациентов. «Джуниор-свит» рядом с президентским, тоже на четвертом этаже. Оттуда тот же самый вид. Уверена, что он вам понравится.

– Спасибо, мадам, если можно, мы его посмотрим.

– Придется немного подождать. Присядьте, я приглашу вас.

Ирэн с Ильей уселись в кресла, стоящие в холле.

– Что? – спросил Илья.

– Их старик лежит в президентской палате, – сказала Ирэн.

Илья рассмеялся.

– Проговорилась! Твой дедушка уже превратился в их старика?

Ирэн скорчила гримасу ребенка, застигнутого за воровством, но не отступила:

– Ты ведь и так это знал. К тому же и тебя это интересует. Раз уж мы сюда приехали, какой смысл отступать?

Илья в знак согласия кивнул.

– Ладно, пусть будет так. – Илья оглядел холл. – Да и плохого предчувствия у меня нет. Будь что будет. Хоть объясни, как ты все выяснила.

– Это очень просто, дорогой. У них все можно узнать. Мы же не в России, где у тебя всю душу вытрясут, пока что-нибудь выяснишь.

Илья мельком глянул на двух крепких мужчин, сидящих в креслах на противоположной стороне холла, и сразу отвел взгляд.

Тем временем дежурная указала молодой девушке в белом халате на Илью и Ирэн. Девушка, улыбнувшись, поздоровалась и деловито сказала:

– Мадам, дайте ваш документ для пропуска.

Ирэн достала из сумки паспорт и протянула ей.

– Я не одна, это мой супруг, – и указала головой на Илью.

– Хорошо, мадам.

Девушка скрылась в комнате дежурных и быстро вернулась.

– Прошу вас следовать за мной. Если вы имеете с собой какие-нибудь предметы, то лучше их оставить здесь. Вам придется надеть халаты и бахилы, – сказала девушка.

Облачившись в накрахмаленные до хруста халаты, Ирэн и Илья проследовали за медсестрой.

В просторном лифте медсестра нажала кнопку четвертого этажа.

На этаже царила полная тишина, чувствовался запах озона. Налево и направо от лифта тянулся широкий коридор, в сверкающем полу отражались лампы дневного освещения. Дежурная по этажу встретила их с улыбкой:

– Бонжур, мадам, бонжур, месье. Прошу вас немного подождать. Врач, месье Жардин скоро вас примет.

Сопровождающая медсестра улыбнулась.

– Я вас оставлю на время, – сказала она и исчезла в лифте.

Ирэн, нимало не беспокоясь, листала журнал – она уже знала, что скажет врачу.

На столе дежурной по этажу стояли мониторы, телефонный и сигнальный пульта, мерцавшие разноцветными лампочками, лежали журнал и ручки.

Через несколько минут на пульте загорелась красная лампочка. Дежурная встала и вышла в коридор. Ирэн тут же вскочила, выглянула в коридор, потом вернулась, крадучись подошла к медицинскому посту, заглянула в мониторы, быстро пролистала журнал и вернулась на место, приняв все тот же скучающий вид. Илья смотрел на нее с удивлением, но не вмешивался.

– Знаешь, кто лежит в президентской?

– Кто? – сразу же спросил Илья.

Дверь кабинета открылась. Из кабинета вышел высокий седой мужчина лет пятидесяти.

– Здравствуйте! Я доктор Жардин. Вы, вероятно, ко мне? Прошу вас в мой кабинет.

– Откуда вы будете? – спросил доктор Жардин.

– Из России. Это мой супруг. Он по-французски не говорит, поэтому говорить буду я.

– Итак, в чем же ваша проблема?

Ирэн долго рассказывала профессору о болезни дедушки, о его прошлом и настоящем.

– У вас случайно нет с собой его медицинской карты?

– Ее уже переслали из Москвы месье Коху, – не растерялась Ирэн.

Кох был директором клиники «Женолье».

– К сожалению, я ее еще не видел. Но ничего, я посмотрю ее завтра. Когда вы хотите привезти пациента? – спросил врач.

– Как только получим визу. Скорее всего – на будущей неделе.

– Очень хорошо. Пожалуйста за мной, я попрошу дежурную показать вам палату, чтобы вы не волновались.

Они вышли из кабинета, но дежурной на месте не оказалось.

– Ничего, я покажу вам палату сам. – Врач извлек ключ из ящика дежурной по этажу и двинулся по коридору. В конце коридора в кресле у журнального столика сидел атлетически сложенный мужчина и листал журнал. Врач поздоровался.

– Месье Алекс меня не спрашивал? Ему ничего не нужно?

– Спасибо, доктор, ничего. Сейчас он спит. – Охранник внимательно разглядывал Ирэн и Илью.

– Дедушка этих молодых людей будет вашим соседом, они из Москвы. Приблизительно с тем же диагнозом, что и у месье Алекса, – как будто угадав, что интересовало охранника, сказал доктор.

Молодой человек с любезной улыбкой поздоровался с Ирэн и Ильей. В кармане молодого человека пискнула рация, он извинился и скрылся в палате № 1.

Доктор открыл дверь палаты № 3. Это была большая светлая комната, обставленная светлой мебелью. Теплый тон интерьера и стен создавали ощущение спокойствия и уюта. Ирэн раздвинула занавески.

– Посмотри, Илья, как красиво! – вскрикнула Ирэн.

За окном открывался великолепный вид на подернутое легкой рябью синее озеро, в котором отражалось бездонное небо с медленно плывущими клочковатыми облаками.

– Здесь и я с удовольствием пожила бы, – сказала Ирэн с восторгом.

– Что ты говоришь, дурочка, Боже упаси! – сказал Илья.

Ирэн засмеялась и перевела фразу доктору. Доктор тоже рассмеялся.

– Не советую. Здесь и впрямь прекрасно, но в Швейцарии много других мест, где можно наслаждаться красотой.

– Я с вами согласна, месье Жардин, – ответила Ирэн.

– Итак, если вы удовлетворены осмотром, не пройдем ли мы? Прошу извинить, у меня дела.

Все трое вышли из палаты и направились к кабинету. Ирэн и Илья переглянулись.

– А теперь что ты собираешься делать? – в голосе Ильи чувствовалась ирония.

– Не знаю. Теперь уже не знаю. У дверей сидит такой амбал, что мне с ним не справиться.

– Что, уже сдаешься?

– Не надо, не порть мне настроение.

Старшей медсестры опять не было.

– Присядьте вот здесь, – сказал доктор Жардин, указав на те же кресла, – и подождите. Сейчас вас проводят. Палату № 3 я забронирую для вас сам. Вот номер моего личного телефона. Сообщите, если что-нибудь изменится, – и он протянул Ирэн визитную карточку.

– Спасибо, месье Жардин, что уделили нам столько времени. Я обязательно позвоню.

– Желаю успеха! – сказал доктор и скрылся в кабинете.

– Ирэн, дорогая, по-моему, с Божьей помощью операция «Дедушка» закончилась. И я даже доволен, что все закончилось так благополучно. Мы увидели отличный вид из окна... Ради этого стоило проехать 60 километров.

Ирэн молчала.

Пришла дежурная по этажу.

– Все посмотрели?

– Да, спасибо.

– Тогда я вызову медсестру, которая проводит вас.

К столу медсестры подошел тот самый охранник, который сидел возле президентской палаты. Он почтительно обратился к Илье:

– Можете ли вы уделить мне несколько минут?

Илья не понял, но Ирэн изменилась в лице.

– Что он хочет?

– Уделите, говорит, несколько минут.

Илья и Ирэн переглянулись, пытаясь понять, что бы это значило.

– Что вам угодно? – спросила Ирэн. – Он не понимает по-французски, – указала она движением головы на Илью.

– Я не отниму у вас много времени... Мой патрон просит вас заглянуть к нему всего на пять минут. Я сказал ему, что вы из России.

У Ирэн глаза расширились от удивления. Илья догадался, что происходит что-то интересное.

– Ну что, что он говорит?

– А то, мой дорогой, что операция «Дедушка» продолжается! – быстро сказала она и повернулась к охраннику:

– С удовольствием, как мы можем отказать пожилому человеку в таком пустяке...

– Благодарю, мадам. Тогда следуйте за мной.

– Пойдем, пойдем, он сам нас зовет, не волнуйся.

Илья не до конца понял, что происходит, но покорно проследовал за Ирэн и охранником в палату. Большая двухкомнатная палата больше походила на номер фешенебельной гостиницы. Мягкая мебель, журнальный столик, круглый стол с четырьмя стульями были сделаны из березы. Светлый пол был инкрустирован синим узором. На окнах висели голубые с золотом шелковые занавески, управляемые с пульта у кровати больного. Интерьер в целом был решен в пастельных тонах, что создавало ощущение спокойствия и уюта, и назвать все это медицинской палатой можно было только условно. Только большой монитор, отслеживающий медицинские показатели, и кровать с пациентом не позволяли забыть, что дело происходит в клинике. Мимолетного взгляда, брошенного на старика, было достаточно, чтобы понять, что состояние его не из легких.

– Месье Алекс, гости из России с большим удовольствием согласились встретиться с вами.

– Спасибо, Пьер. Предложи гостям стулья, пусть сядут поближе.

Илья и Ирэн разглядывали старика, прикованного к постели. Морщинистое лицо синеватого оттенка, увядшие руки с большими коричневыми пятнами покоятся поверх одеяла, совершенно седые волосы, такие же брови, из-под которых на гостей смотрят слегка замутненные глаза медового цвета, в которых, казалось, не осталось ни капли жизненной энергии.

Назвать его возраст было трудно даже приблизительно.

Старик посмотрел на молодых и слегка улыбнулся.

– Спасибо, что не отказались повидать умирающего, – сказал он тихим, надтреснутым голосом.

– И у меня есть дедушка, с которым, к сожалению, не могу повидаться. Поэтому мы с удовольствием откликнулись на вашу просьбу, – искренне соврала Ирэн.

Умирающий указал рукой на стулья у кровати. Ирэн и Илья неловко сели, все еще скованные от неожиданности.

– Пьер сказал, что вы русские. Но как я вижу, этот молодой человек не русский. Я прав? Как будто жизнь проснулась в умирающем старике, у него даже чуть порозовело лицо.

– Да, месье Алекс, я русская, – сказала Ирэн, а потом добавила: Наполовину. А Илья грузин.

– Жеоржи?! Значит, я угадал?

– Что он говорит? – спросил Илья.

– Он угадал, что ты грузин, – сказала Ирэн.

Илья с удивлением взглянул на Ирэн, потом с почтительной улыбкой посмотрел на старика.

– Вы из Москвы? – спросил старик на хорошем русском.

Ирэн и Илья удивленно посмотрели друг на друга. Потом взглянули на старика.

– Вы тоже русский? – спросила Ирэн.

– Я тоже наполовину, – и старик впервые улыбнулся, довольный тем, что ему удалось удивить молодых. – Не удивляйтесь, молодые люди. Жизнь – странная штука. В этом уж можете мне поверить, – вдруг четко и энергично заговорил старик. Потом он обратился к своему охраннику:

– Пьер, подай гостям воды и сок, придвинь к ним маленький столик. А потом оставь нас, я с ними немного побеседую.

Он вновь обратился к молодым:

– Расскажите, что происходит в Москве. Да и в России в целом.

– Я живу в Женеве, а Илья часто бывает и в Москве, и в Тбилиси. Поэтому он лучше знает положение в России.

– Очень хорошо. Значит, вы живете здесь?

– Да, вместе с родителями. Меня зовут Ирэн. Учусь в Женевском университете на факультете искусствоведения. Я на последнем курсе. Заканчиваю магистратуру.

На лице старика отразилось удовлетворение, проглянула едва заметная улыбка. Старик как будто преобразился, в его глазах читалось любопытство.

– Что вас больше всего интересует, месье Алекс? – спросил Илья.

– Меня интересует все. Но вы расскажите о том, что вам больше нравится. Или о чем вы лучше информированы.

– Когда вы были в Москве последний раз?

Старик задумался.

– Очень давно. Лет 40 назад самое меньшее.

– Значит, вы помните послевоенную Москву?

– Прекрасно помню.

– С тех пор немного изменилось, если не считать проспекта Калинина и безликих жилых микрорайонов на окраинах. То, что сохранилось в Москве со времен Сталина, или же хотя бы начатое тогда, оно еще ничего. А на остальное и смотреть нельзя. Короче говоря, положение тяжелое и все ухудшается. Многие уже развалилось. Оборот денег ограничен. Предприятия не в состоянии выплачивать зарплаты, работают по бартеру. А бывшие советские республики занимаются расчетами между собой по клирингу. Еще немного, и мы возвратимся к первобытному состоянию. На словах осуществили приватизацию, а реально – ограбили народ. После того как отпустили цены и объявили рыночную экономику, народ стал голодать. Перед распадом Советского Союза, в принципе, было то же самое, с той лишь разницей, что тогда на прилавках было пусто. В гастрономах вместо мяса, колбасы и рыбы лежало молоко в пакетах. Как только появлялось что-нибудь приличное, тут же выстраивалась длинная очередь. Теперь вроде и еда появилась, и ассортимент увеличился, но что толку? У людей нет денег. Многие этот период сравнивают с НЭПом. Люди терпеть не могут кооператоров и бизнесменов, которые большей частью ничего не производят, а, наоборот, стараются урвать у голодного народа еще один кусок. В Москве и больших городах еще как-то можно прокормиться, а в районах... Трудно представить, как люди там живут.

Илья почувствовал, что начал беседу в слишком мрачных тонах.

– В последние годы существования Советского Союза всем стало ясно, что политически и экономически Союз себя изжил и перспективы уже не было. Одними партийными лозунгами, которые потеряли свою сущность и значение, народ не прокормишь. Теперь хоть надежда

появилась. Появление продуктов в магазинах эту надежду удвоило. Сейчас важно упорядочить финансово-банковскую систему, а потом ситуацию можно будет выправить.

Старик внимательно слушал. Ирэн сидела не шелохнувшись. Илья почувствовал себя неловко из-за того, что заставил больного старика прослушать целую лекцию, и поспешил добавить:

– Месье Алекс, с моей стороны было, наверное, бестактно начинать разговор на эту тему.

– Спасибо, Илья. Вы хоть и коротко, но содержательно передали обстановку. Все совпадает с моей информацией. Как вы думаете, почему распался Советский Союз? Какая перспектива сейчас у России или хотя бы у вашей родины, Грузии?

– Месье Алекс, не утомят ли вас мои соображения? В вашем положении, наверное, требуется побольше спокойствия.

– Ничего, наоборот, даже лучше, если мы побеседуем. Это меня больше ободрит, если, разумеется, вам не жалко тратить на меня драгоценное время. Кому сейчас до меня есть дело, кроме врачей? Если ваша девушка не рассердится, может, уделите мне еще немного времени?

Илья посмотрел на Ирэн. Ирэн улыбнулась.

– С удовольствием, месье Алекс, нам для вас времени не жалко. Если, разумеется, позволит врач и ваши близкие на нас не рассердятся.

– Не думаю, что они будут против... А если тебе, дочка, станет скучно, можешь включить в приемной телевизор.

Ирэн, догадавшись, что старик цеплялся за их присутствие, как за свою жизнь, сдержала наворачнувшиеся слезы и с улыбкой кивнула.

– К тому же у меня не бывает много посетителей. Умиравший старик не многим нужен.

– Месье Алекс, а дети, внуки? Они вас не навещают?

Старик задумался. По его лицу было видно, что ему нелегко беседовать на эту тему, но вопрос был уже задан.

– Супруга и дочь уже давно покинули этот мир, наверное, ждут меня там. Моя дочь погибла в автомобильной катастрофе, не успев оставить потомства. Остальные родственники жили в России, но связь с ними оборвалась в начале пятидесятых. Из близких у меня остался только племянник, он женат, живет здесь.

Ирэн и Илья сидели с обеспокоенным видом и сочувствовали ему. По выражению их лиц это сочувствие ощущал и старик.

– Сколько вам лет, дедушка? – спросила неожиданно Ирэн. Слово «дедушка» она произнесла так естественно, что оно сразу пришлось по душе старику.

– Подойди ко мне, дочка... – сказал старик.

Ирэн подошла к кровати. Месье Алекс тяжело приподнялся, поцеловал Ирэн руку и, накрыв ее своей ладонью, снова опустил голову на подушку.

– Сам Бог прислал вас ко мне.

– Не хотите ли чего-нибудь? – спросила Ирэн.

– Немного воды выпил бы, – сказал старик.

Ирэн, налив минеральной воды, поднесла стакан ко рту старика, заботливо приподняв ему голову.

В палату вошла медсестра.

– Месье Алекс, вы должны выпить лекарство, и больше я вас не побеспокою.

На маленьком подносе лежало несколько таблеток. Старик медленно взял лекарство, Ирэн помогла ему запить. Медсестра, бросив удивленный взгляд на Ирэн, вышла.

У старика было очень спокойное лицо.

– Так сколько же вам лет? – спросила Ирэн скорее для того, чтобы нарушить воцарившуюся тишину. Потом вновь присела на стул.

– Я родился в 1908-м. Если не ошибаюсь, 5 сентября. Сколько получается? Восемьдесят шесть, да? – сам же ответил старик.

– Это уже много. А ты, Ирэн? Сколько тебе? Будь я твоим кавалером, я бы, конечно, не спрашивал... Если не хочешь, чтобы об этом знал Илья, скажи мне на ухо, – улыбнулся старик.

– Разве от Ильи что-нибудь скроешь! Мне двадцать четыре. Родилась в Москве. А Илье – тридцать два года. Он родился в Грузии.

– Может, и фамилии скажешь?

– Я – Григоровская.

– Я – Горели, – сказал Илья.

– Горели?

В голосе старика послышалось удивление.

– Да, месье Алекс, Илья Горели.

– Хорошо, очень хорошо. Это псевдоним или фамилия?

– Фамилия, по месту рождения. И мои родители, и предки родились в Гори. Вы, наверное, знаете, где находится Гори.

– Да, Илья, знаю. Хорошо знаю. Музей Сталина не закрыли?

Илья не ожидал, что старик окажется таким осведомленным.

– Обошлось. Теперь закрытие ему едва ли угрожает. Раз пережил эпоху Хрущева, не думаю, чтобы сейчас кому-нибудь было до этого. Хотя есть идиоты вроде Хрущева, которые не понимают, что закрытие музея Сталина или разрушение памятников ему вовсе не означает победу над ним.

– Меня интересует ваше мнение: что вы думаете о распаде Советского Союза?

– Я думаю, месье Алекс, что официальная версия не будет для вас интересной, а мое личное мнение... Не знаю, насколько оно будет вам интересно...

– Меня очень интересует ваше мнение, Илья.

– По-моему, Советский Союз прекратил свое существование сразу после смерти Сталина. Практически в течение сорока лет страна существовала по инерции за счет роста экономики, созданной при Сталине. Партия же умерла вместе с ним. Она только потому и просуществовала столько, что крепко вцепилась в могучую экономику, которую под конец целиком и выгрызла. Такая империя, как Советский Союз, не могла существовать без такого руководителя, каким был Сталин. Вся система управления страны была подогнана под способности одного человека. А он, как я знаю, не успел дифференцировать эту систему управления, чтобы система была основана не на партии, а на реальном народном правлении, то есть на социал-демократии. Сталин хорошо знал, что после его смерти при этой форме управления Советский Союз долго не продержится. Поэтому и старался еще при жизни успеть осуществить это преобразование. Тем более что со дня создания Советского Союза не было и года без нападений со стороны Запада. Подтверждение тому и Вторая мировая война. Это было государство, существование которого не устраивало никого ни на Западе, ни на Востоке. Конечно! Нельзя же было допустить, чтобы государство, на территории которого сконцентрирована значительная часть мирового запаса полезных ископаемых и природных ресурсов, было закрыто для мировых корпораций! К тому же мощное государство, которое и пальцем тронуть страшно. В принципе, сбалансированная система безопасности и биполярная мировая политическая система многим была на руку, но жадность и амбиции все-таки взяли верх. Реально Советский Союз должен был распасться еще при Хрущеве, потому что именно он формализовал все государственные структуры. В руках бездарных авантюристов иначе и не могло быть. Поэтому в течение сорока лет поезд просто катился под откос. На Западе сейчас многие ставят себе в заслугу распад Советского Союза. Они стараются ввести в историю Рейгана как разрушителя Советского Союза – с помощью тайной руки или же «тайного мирового правительства». В какой-то мере оно так и есть – потому что все западные страны более или менее старались создать про-

блемы Советскому Союзу, но это ничто по сравнению с положением, в которое завели страну руководители партии и государства. К восьмидесятым годам создалось такое положение, при котором не имело никакого значения, в чьих руках были бразды управления страной. Главное, что это был уже не Сталин.

Упомянув Рейгана и тайное правительство, Илья вспомнил о вчерашней беседе советников. После короткой паузы он продолжил.

– Что мы получили после разрушения Советского Союза? спросил Илья и сам же ответил: – Получили то, что мир стал однополюсным, маленькие страны теперь менее защищены. Это продлится еще долго, потому что для создания нового второго полюса потребуется время и колоссальные ресурсы. Мы получили неконтролируемые вооруженные силы, миллионы голодных и ограбленных людей, конфликтные регионы... И это еще не все. Мы получили экспансию криминала на Западе. Разумеется, никто не пойдет грабить голодную Африку. Европа и Америка благополучно вывозят сырье из России по бросовым ценам, но и тут допущена ошибка, вызванная жадностью. Уроки прошлого их ничему не научили. Долго так не может продолжаться. Несколько корпораций погреют руки, этим все и кончится. Таким подходом Запад заставит Россию еще более замкнуться в себе. Все имеет свой предел, и Запад должен установить этот предел самому себе. Правила игры должны быть одинаковы для всех. Я попытаюсь и скажу коротко. Для существования империй в масштабах Советского Союза нужны новые Сталины, проще говоря – монархия, что в сегодняшнем мире является анахронизмом.

Илья как будто хотел что-то добавить, но промолчал и взглянул на Ирэн. Она сидела не шевелясь и смотрела на старика. Старик молчал и отвечать не спешил – видимо, окунулся в воспоминания.

Потом Илья вновь заговорил:

– Я вас, наверное, утомил, месье Алекс?

– Нет, я не устал, – сказал старик тихо. В его голосе чувствовалось что-то вроде сожаления.

– Я согласен со многим, что вы сказали. Признаюсь, многое было для меня неожиданным. Например, то, что Советский Союз прекратил свое существование после смерти Сталина. Такой оценки я еще ни от кого не слышал. По правде говоря, после смерти Сталина, когда я покинул Советский Союз, похожее ощущение было и у меня. Но это из-за того, что смерть Сталина я воспринял как личную трагедию. После нее я был вынужден покинуть страну. Страну и человека, которому я честно служил.

– Вы работали у Сталина? – спросил удивленный Илья.

– Да, работал, и не только работал... – Старик остановился, словно что-то мешало ему продолжить.

– Похоже, нам есть о чем поговорить. Обещайте, что еще раз навестите меня, – сказал старик и посмотрел сперва на Ирэн, а потом на Илью.

– Навестим, обязательно навестим, – сказала Ирэн с улыбкой. Правда, завтра у меня начинаются лекции в университете, но я постараюсь. Если у меня не получится, хотя бы Илья приедет. Да, Илья?

Илье ничего не оставалось, как согласиться. Про себя же подумал: «Ах, Ирэн, ну погоди...» Но вслух сказал с улыбкой:

– Оба приедем. Обязательно. К вам пустят?

– Да, да, я предупрежу, чтобы пропустили без проблем. Ирэн, доченька, подай-ка мне вон тот блокнот, на столе.

Ирэн протянула блокнот. Старик достал две визитные карточки и протянул их Ирэн. У него дрожали руки, видно было, что разговор утомил его.

– Одну оставь себе, другую отдай Илье. Илья, если будет необходимо, покажешь внизу. А ты, если что, скажешь, что моя внучка, и подмигнул. Илья Улыбнулся.

Ирэн рассмеялась, подошла поближе и поцеловала старика.

– Дедушка Алекс, – вошла в роль Ирэн, – а когда лучше завтра приехать?

– Как и сегодня. После обеда обычно тихий час. А после уже не знаю, что и делать. От дел отошел и стал умирающим стариком – бездельником, – пожаловался старик.

Они попрощались. В коридоре Пьер вскочил и пожал им руки. Ирэн сказала, что они приедут еще раз.

В лифте Илья посмотрел на визитную карточку.

На нем были написаны только имя и фамилия: Александр Агуж.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Стояла осень 1900 года. Вся листва в Сибири давно пожелтела. С низовьев Лены шло несколько барж с приговоренными к ссылке арестантами и конвоем. В этих краях холода наступают ранней осенью, поэтому на ночь люди были вынуждены закутываться в тулупы. По пути ссыльных высаживали в деревнях. Они прощались друг с другом, лелея надежду, что им еще доведется встретиться. После трехнедельного путешествия арестантские баржи добрались до деревни Усть-Кут, в которой насчитывалось около сотни изб. Здесь на берег высадили двух ссыльных – женщину и мужчину. Они оказались молодоженами, обвенчавшимися шестью месяцами раньше в московской тюрьме. Это был брак в большей степени по расчету, чем по любви, – по тогдашним законам ссыльных супругов из одной губернии и осужденных по одному делу разлучать запрещалось. Жена была немного старше мужа. Благодаря своему стойкому характеру она была тогда более знаменитой революционеркой, чем ее муж, однако в их отношениях это ничего не меняло. Александра Львовна Соколовская считала своего мужа, Льва Давидовича Бронштейна, непререкаемым авторитетом. Спустя два года, после побега из ссылки, он станет Львом Троцким.

В 1901 году у них родилась первая дочь Зинаида, а затем, в мае 1902 года, еще одна – Нина. В августе того же года, по настоянию партии и с согласия жены, Троцкий бежал из ссылки, оставив ее и двух дочерей в деревне, а еще через несколько месяцев – по требованию Ленина – эмигрировал, перебравшись с помощью контрабандистов через австрийскую границу. Начиная с этого момента семья Троцкого фактически распалась.

После революции 1905 года Александра Львовна вместе с детьми вернулась из ссылки. Старшая дочь Зинаида жила у родителей отца в деревне Яновка Херсонской губернии, а младшая дочь Нина – у родителей отца и матери поочередно. Александра продолжила революционную деятельность. Дочери виделись с отцом всего несколько раз, и то мельком, во время второй эмиграции, когда у Льва Давидовича была уже новая семья.

Потрясшие Россию и весь мир революционные бури возвысили творцов революции и принесли им мировую славу. Вскоре началось низвержение и уничтожение многих из них. Почти вся родня Троцкого попала в мясорубку репрессий.

В 1928 году Троцкого сослали в Алма-Ату. Его первая супруга, революционерка Александра Соколовская, сгинула в лагерях для врагов народа. Младшая дочь Нина, тоже революционерка, скончалась от туберкулеза в 26-летнем возрасте. Отец узнал о смерти дочери уже в ссылке. Был расстрелян и его зять, муж Нины, Яков Невельсон. Их малолетнюю дочь забрала к себе бабушка Александра Львовна, однако когда и ее арестовали, внучку поместили в спецдетдом для детей врагов народа, где следы девочки затерялись. Старшую дочь, Зинаиду, притеснениями и гонениями довели до самоубийства. Мужа Зинаиды, Платона Волкова, сначала арестовали и отправили в лагерь, а затем расстреляли. Дочь Зинаиды Александру отправили в концлагерь. Шестилетний внук, Всеволод Волков, остался у деда. Младшего сына Троцкого, Сергея Седова, расстреляли в 1937 году, а его жену приговорили к лагерям. Сестру Троцкого, Ольгу Давидовну, жену Каменева, также приговорили к расстрелу. В 1937 году был расстрелян старший брат Троцкого. В том же году расстреляли племянника Троцкого, Бориса Бронштейна. Старший сын Троцкого, Лев Седов, умер в Ницце. По одним данным, в феврале 1938 года, он, уже поправлявшийся после операции по удалению аппендицита, скончался с признаками отравления, а по другим причиной смерти стала передозировка наркоза.

20 августа 1940 года в Мексике Рамон Меркадер бытовым ледорубом проломил череп Льву Троцкому, после чего он скончался в больнице.

Революция пожирала своих творцов и детей. В живых остался только внук Троцкого Всеволод, который прожил долгую жизнь и даже открыл музей знаменитого деда.

* * * * *

Стоял 1930 год, когда черноволосую девчущку примерно десяти лет привели в специальный детдом в Херсонской губернии. В этом детдоме содержались дети «врагов народа». Фамилию Невельсон девочке сменили, она стала Еленой Новиковой – по фамилии одной из воспитательниц. Имя она выбрала сама. На вопрос директора, нравится ли ей имя Лена, она ответила:

– Да. Там родилась моя мама.

Приблизительно через год ее перевели в детдом такого же назначения вблизи города Николаева, где по большей части содержались ее сверстники. Выделяясь своей стройностью и красотой, Елена Новикова не только умела ухаживать за собой, но и хорошо училась.

Тянулись унылые детдомовские дни. Елена росла и становилась все прекраснее. Она очень привязалась к одной воспитательнице, Нине Николаевне, которая и именем, и своеобразным запахом напоминала ей мать. Замужняя, но бездетная воспитательница тоже очень привязалась к Лене.

Чтобы дети поскорее забыли родителей, дом и близких, в детдомах запрещались любые разговоры на эти темы. Из них хотели воспитать новое революционное поколение.

Но несмотря на эти запреты, Нина Николаевна имела свой замысел. У нее болела душа за свою любимицу, и, поговорив с мужем, Андреем Соколовским, сотрудником местной газеты, она решила ее удочерить, но заранее попыталась осторожно расспросить о родителях.

– Леночка, девочка моя, я сейчас у тебя спрошу об одной вещи, и ты никому не проболтайся, ладно?

– Да, Нина Николаевна.

– Лена, скажи мне, ты помнишь своих родителей, сестру, брата, бабушек и дедушек?

Девочка удивилась такому вопросу воспитательницы, но ответила: – Да, разумеется, я их всех прекрасно помню, Нина Николаевна. Все мелочи, касающиеся не только меня, но и прошлого всей моей семьи, все, о чем я слышала, помню. Рассказать? – спросила она с надеждой.

Нина Николаевна чуть забеспокоилась, однако ответила утвердительно.

Елена точно и ярко описала Нине Николаевне все, что знала о семье, о бабушках и дедушках.

Нина Николаевна сначала слушала с изумлением; поразилась, узнав фамилию деда Елены, а затем горько расплакалась. Ту ночь растревоженные Нина Николаевна и Елена провели без сна.

Утром Нина Николаевна отпросилась с работы на два дня и обо всем рассказала мужу, Андрею Соколовскому. Он был сыном того Александра Соколовского, совместно с которым еще молодой Лев Бронштейн пытался написать пьесу, а затем вместе с ним попал в одесскую тюрьму за революционную деятельность. Александра Львовна, первая супруга Троцкого, доводилась ему тетей. Новость, сообщенная женой, потрясла Андрея Александровича. Отец часто ему рассказывал о своей дружбе с Троцким, о начинающих революционерах, даже хвастался, что начинал деятельность с таким великим революционером и теоретиком революционного движения. К тому же у друзей были родственные связи. Но после того, когда Троцкого сперва сослали, а затем выдворили из страны, разговоры о нем прекратились. Супруги долго раздумывали, как поступить. Семья Троцкого была репрессирована. Хотя никто не знал об этой девочке и ее участии, тем не менее удочерение было связано с риском. Нина Николаевна настоятельно требовала от мужа придумать что-нибудь. Упорство женщины перевесило все колебания. Вместе с этим сохранившееся уважение к Льву Давидовичу и привлекательность девочки тоже повлияли на решение в пользу Лены. Ее удочерение должно было состояться официально, что в те времена случалось нечасто – брать в основном разрешали грудных или совсем малолетних детей. В случае отказа супруги намеревались выволочь ребенка любыми средствами, включая похищение. Сами они были бездетными, что и подтолкнуло их к решительным действиям.

Летом 1932 года тридцать воспитанников и трое воспитателей на крытом грузовике выехали из детдома и направились к ближайшей больнице райцентра – в связи с разразившейся эпидемией тифа директор детдома после долгих склок добился, чтобы детей вывезли на медицинский осмотр.

Дети шумно высыпали из грузовика. Когда они вступили на первый этаж инфекционного корпуса, дежурившая медсестра призвала их к порядку и сказала: – Ну, ребята, готовы? Тогда группами по пять человек поднимаемся к врачу на второй этаж. У кого нет температуры, может сесть на скамейку во дворе. Понятно? – спросила медсестра.

– Понятно! – хором отозвались дети.

Первую группу, в которой оказалась и Елена, сопровождала Нина Николаевна. Когда дети стали входить в кабинет врача, она остановила Лену и шепотом сказала: – Когда выйдешь из кабинета, не спускайся к детям. Вот по той лестнице, – она указала в конец коридора, – выйдешь на задний двор. У дверей увидишь грузовик для продуктов. Там тебя будет ждать мой муж, Андрей Александрович. Сядешь в машину и уедешь вместе с ним. Ничего не бойся и ни о чем не думай, поняла меня?

– Поняла, – ответила Елена.

– А вы? – спросила она, – вы не едете?

– Я приеду попозже. Ну, не задерживайся, иди к врачу.

Врач одного за другим осматривал детей. Осмотрев Лену, что-то записал и сказал ей: – Можешь одеваться и идти.

Пока она одевалась, Нина Николаевна сказала ей нарочито громко:

– Елена, когда спустишься, скажи, чтобы подготовилась следующая группа, – при этом она подмигнула девочке. Лена улыбнулась и тоже подмигнула, как заговорщица. Она бегом спустилась со второй лестницы и приблизилась к стоявшему у выхода грузовику. Дверь оказалась открытой, в кабине сидел Андрей Александрович.

– Сюда, быстрее! – Он подхватил ее и посадил в кабину. – Тимофей, жми. Лена, прячься вниз. – Поместив Елену у своих ног прикрыл ладонями ее голову. Он чувствовал как колотится сердце девочки.

Они выехали со двора незамеченными. Исчезновение Лены заметили поздно, только когда осмотр закончился и все стали готовиться к отъезду. После долгих поисков вызвали милицию. Пока всех допрашивали и составляли протокол, наступил вечер.

– Да куда она денется, – успокаивали воспитателей милиционеры, – или на вокзале укроется, или в порт подается. Или на рынок, там полно беспризорников.

И в самом деле, в это трудное время по улицам мотались тысячи голодных беспризорников – жертв разрухи и Гражданской войны.

Тем временем грузовик с ценным пассажиром ехал в Николаев. С радостным волнением Елена неотрывно смотрела на дорогу. Для нее начиналась новая жизнь.

В Николаеве Елену привезли в дом младшего брата Андрея Александровича, у которого было двое несовершеннолетних детей.

Из-за побега Лены Нину Николаевну и еще одну воспитательницу уволили с работы за халатное отношение к службе. Нина Николаевна сразу же приехала в Николаев и с рыданиями обняла Елену. Любовь, которую нельзя было проявить в детдоме, вырвалась наружу с особой силой. Лена и Нина Николаевна долго плакали, не выдержал и Андрей Александрович.

Эйфория супругов прошла быстро – оставить ребенка у себя так, чтобы это прошло незамеченным в маленьком городе, было невозможно – обман в любую минуту мог повлечь за собой роковые последствия. У ее новых родителей оставался бы мизерный шанс, не будь Лена внучкой Троцкого. Поэтому Нина Николаевна и Андрей Александрович скрепя сердце решили послать девочку к своим близким в Киев или в Москву – в большом городе она привлекла бы меньше внимания. В итоге договорились отвезти девочку в Москву и поселить в семье старого

революционера-троцкиста Николая Приходько, имеющего троих детей. Лето провели в Николаеве, дважды сменив место жительства, а в августе Андрей Александрович оформил командировку и увез Лену в Москву.

* * * * *

В семье Приходько, на Остоженке, девочку встретили очень приветливо. Правду от детей скрыли, сказав, что Лена – дочь их родственника из Одессы. Семья Приходько, состоявшая из пяти душ, сама жила в стесненных условиях, но для Елены все же нашлось место, так что Андрей Александрович вернулся домой со спокойной душой.

В сентябре Елену под фамилией Приходько определили в школу, и ее новая жизнь пошла своим чередом. Училась она хорошо – в первый же год легко справилась с учебной программой и стала лучшей ученицей в классе. На второй год она разом освоила двухгодичную программу и сразу перешла в следующий класс.

Лена быстро привыкла к городской жизни, освоила московский акцент. Только одно обстоятельство щемило ей сердце – о ее бабушке говорили часто, но поминали плохо.

Просмотрев фотографии деда, Лена полюбила его еще крепче, но своими чувствами ни с кем не делилась, понимая, что это было опасно не только для нее, но и для приютивших ее людей. Поэтому в семье Приходько эту тему не затрагивали. Елене не с кем было поделиться ни своей болью, ни воспоминаниями о детдоме. Лена росла духовно сильной личностью, она выглядела гораздо старше своего возраста – и умом, и физически.

Семья Приходько жила не ахти как, но в отличие от иных в те времена недостатка в еде не испытывала. После полуголодного существования в детдоме Елена быстро поздоровела и окрепла. Николай Приходько даже подумывал о том, чтобы сообщить Льву Давидовичу, что его внучка жива и здорова, но сдерживал себя, осторожничал, опасаясь, что письмо может попасть в руки недругов. В конце концов Николай Приходько отказался от этой затеи. К тому же уже начиналась вторая волна охоты на троцкистов.

Тем временем Елена познакомилась с театром, вместе с одноклассниками бывала в кино, не обходила вниманием и музеи. Что касается учебы, то своими успехами девушка удивляла всех. Лена тайно мечтала стать дипломатом и самостоятельно разыскать деда за границей. Его фотографию Елена тщательно скрывала в тетради, где записывала свои впечатления.

Наконец наступила пора, когда у девушек появляются другие мысли. Даже мешковатая школьная форма не могла скрыть юной красоты девушки. Природа наделила ее совершенными формами, все в ней было пропорционально и ладно – изящная шея, белоснежная кожа, черные миндалевидные глаза, благородный лоб, прямой тонкий нос, густые черные волосы, заплетенные в две длинные, до талии, косы. Было невозможно не заметить ее и не выделить из других девушек. Когда объединили мужские и женские школы, парни были в восторге от красоты Елены. Они соперничали между собой и старались добиться ее расположения, но никто не смог завоевать ее сердце. Да и сама Елена не пыталась завязать отношения с юношами, предпочитая казаться полностью сосредоточенной на учебе. Смерть матери она хорошо помнила, а вот о судьбе отца и бабушки ей было мало что известно. Знала только, что они были арестованы, однако не теряла надежды увидеться с ними.

Всем нравились воспитанность и сдержанность Елены. Ее часто приглашали в дом одноклассницы и лучшей подруги Нади, дочери известного партийного функционера. Надин брат со стороны отца, старше ее на десять лет, был спортсменом, с высшим образованием, жил отдельно, но часто гостил у отца и любил баловать сестру. Именно с помощью Александра Елена и Надя имели возможность ходить в театры и кино.

Стоял июнь 1936 года. Учеба только что закончилась, школьники, в предвкушении каникул, оживленно готовились к отдыху. Надя, сказав Елене, что сегодня с ними будет брат, пригласила ее в парк – покататься на аттракционах. Елена спросила разрешения у родителей. Приемная мать, Лидия Сергеевна, разрешила ей идти, но просила вовремя вернуться домой. Елена

нарядилась в летнее розовое платье, только что сшитое для нее Лидией Сергеевной, надела гипюровые носки и белые холщовые туфли и побежала по Остоженке к Надиному дому.

У подъезда она увидела машину, рядом с которой стоял Александр, который приветливо встретил Лену.

Когда из подъезда вышла Надя, Александр распахнул дверь машины и сказал:

– Ну-ка, дети, прыгайте в машину.

– Откуда она у тебя, Саша?

– Это машина одного моего друга, и сегодня она в моем распоряжении.

– Вот это да! Молодец, Саша, ты настоящий брат!

Саша гордо тронул машину с места, и они помчались в сторону парка имени Горького, да так лихо, что временами девушки даже повизгивали от восторга.

Когда, досыта накатавшись на аттракционах, Саша повел довольных подруг в кафе на берегу озера, Лена подумала, что это самый счастливый день в ее жизни. И вправду, ничего подобного она раньше не испытывала, после кончины матери радости детства исчезли и больше не появлялись.

В кафе Саша заказал обед. Девушки важно потягивали лимонад, наслаждаясь видом на озеро, по глади которого неспешно скользили лодки. Кругом гулял народ. Жизнь в парке была ключом. К кафе подошли трое молодых мужчин и дружески помахали руками. Девушки удивились, но когда Саша помахал в ответ, догадались, что они были знакомы, – молодые люди приблизились к столу, и Саша поднялся им навстречу. Двух парней он обнял, одному пожал руку.

– Это моя сестра Надя, а это ее одноклассница Елена, – представил он.

Парни вежливо поклонились девушкам.

– Это Игорь, – сказал Саша, указывая на блондина.

– Это Юра, кивнул он в сторону кудрявого парня. Последним Саша представил девушкам высокого брюнета с черными глазами.

– А это Яков, – сказал Саша. – Мы собирались обедать. Может, присоединитесь?

Парни переглянулись.

– А почему бы и нет? – сказал Яков, не сводя глаз с Лены. Было видно, что молодые люди здесь не в первый раз. Они ловко подставили еще один столик, заказали блюда – официант был тут как тут – и уселись рядом. Яков никак не мог оторвать взгляд от Лены. Девушку охватило какое-то странное чувство, ей показалось, будто чья-то рука мягко сжала ее сердце. Не зная, куда смотреть, Лена сначала уставилась на свои руки. Пока Игорь говорил Наде, что помнит ее совсем маленькой, Елена пыталась смотреть на озеро, разглядывать бутылки лимонада на столе, но глаза ее сами собой невольно встречались с глазами Якова. От растерянности она не знала, что делать. Лена опять попыталась смотреть в сторону озера, но не могла сосредоточиться. Она снова взглянула на Якова и покраснела. Ей вдруг стало очень жарко. От пристального взгляда молодого мужчины ей стало мучительно неловко, колени под столом дрожали.

Яков встал, что-то шепнул на ухо Юре и затем громко сказал: – Кажется, нам еще долго не подадут, будет лучше, если мы немного пройдемся.

Он наклонился к Елене и спокойно сказал:

– Может быть, прогуляемся немного? Если хочешь, покатаемся на лодке.

Лена, не поднимая глаз, кивнула в знак согласия и вопросительно посмотрела на Сашу и Надю. Надя кивнула, а Саша поощрительно сказал:

– Погуляйте, пока принесут что-нибудь, только далеко не уходите.

– Далеко нам незачем, будем рядом, так ведь, Леночка? – сказал Яков. – Пойдем?

Лена приподнялась, но ей было трудно встать.

– Тебе помочь?

Яков отодвинул стул и поддержал ее. Они медленно спустились по лестнице. Яков нежно поддерживал девушку и осторожно касался ее локтя.

В молчании они чинно пошли по берегу. Какая-то маленькая девочка весело махала рукой с берега, крича что-то сидящим в лодке своим то ли родственникам, то ли знакомым. Ее звонкий крик отрезвил Лену. Она успокоилась, расправила плечи и выпрямилась. Яков почувствовал перемену в девушке и спросил:

– Часто гуляешь в этом парке?

Лена покачала головой.

– Понятно. Это значит нет. Не так ли?

Лена, опять молча, кивнула.

– Очень хорошо! Я буду спрашивать, а ты кивай мне головой. В знак согласия кивай – вверх-вниз, в знак отрицания – вправо-влево, так? – и Яков демонстративно мотнул головой.

Елена рассмеялась, поняв неловкость своего положения.

– Нет, конечно, ты можешь отвечать мне и смехом... – сказал Яков.

Елена снова кивнула – уже смело и демонстративно.

– Вот так! У нас получится прекрасный разговор. Если хочешь, ты тоже спрашивай о чем-нибудь, посмотришь, как я отвечу. Ну, попробуйся.

Лена подняла голову и посмотрела на Якова. Но это был уже не взгляд растерявшейся у стола школьницы, а полный уверенности взгляд девушки, сознающей свою силу. Яков сразу ощутил и силу личности, и теплоту, и нравственную чистоту Елены. Во взгляде девушки читался вопрос, требующий ответа. Якову стало неловко:

– У тебя очень красивые глаза, Леночка. Твой взгляд излучает непорочность.

Они оба потупили взор.

В тот день в душу Елены ворвались новые чувства, они наполнили ее жизнь мечтами и сновидениями. Молодой человек незаметно и быстро стал ее частью, и теперь каждый день Елены начинался и заканчивался мыслями о Якове.

Они встречались дважды в неделю, допоздна гуляли, болтали, шутили, катались на лодке, затем шли в кино и даже несколько раз побывали в шикарном ресторане.

До обеда Елена обычно, помогая Лидии Сергеевне, хлопотала по дому, ухаживала за детьми и с удовольствием стряпала, а после обеда она с нетерпением ждала Якова. Ей все нравилось в нем – и его манера вести беседу, и бархатный голос, и сильный кавказский акцент. Нравилось даже то, что Яков не был ни русским, ни евреем. Иногда Леной овладевали такие эмоции, что ей чудилось, будто она летит. Елена многое знала о Якове, но это касалось лишь его чувств, а об остальном она не спрашивала – любовь поглотила ее целиком.

Яков тоже потерял голову. Кроме Елены, его ничто не интересовало – ни учеба, ни работа, ни ребенок от бывшей жены. Он стал реже встречаться с друзьями.

Яков был уверен, что и Елена любит его, но не знал, как поступить – девушке было всего шестнадцать, она еще училась в школе, Яков же был зрелым человеком, недавно разошедшимся с женой. После развода каждый новый шаг молодого мужчины вызывал недовольство у его семьи, в особенности у отца, для которого Яков был постоянным поводом для иронии и критики.

Яков нервничал, переживал, и это мешало ему здраво мыслить. «Если узнают о моих отношениях с юной девушкой, начнут осуждать, а возможно, и потребуют прекратить встречаться. Лучше подождать, пока Лена закончит школу, а до того хранить все в тайне. Но удастся ли? Может, оставить Москву и сбежать куда-нибудь? Уволился бы с работы, занялся бы чем-то другим. Может, лучше вернуться в Грузию и взять Лену с собой?» – размышлял Яков, не зная, какой путь выбрать.

Но как только он начинал думать о Лене, его настроение сразу же менялось к лучшему. Они встречались вот уже второй месяц, и глуще чувство к ней становилось все сильнее. Они

ни разу не целовались, но уже принадлежали друг другу всей душой. Кроме Лены, Яков никого не хотел видеть, все остальное на свете для него перестало существовать.

Для Лидии Сергеевны не осталось незамеченным то, как изменилась Леночка, но она, уверенная в рассудительности девочки, приняла это спокойно, тем более что новые чувства вытеснили из жизни ее воспитанницы трагедию прошлого. Лидия Сергеевна не выпытывала девичьи секреты и, не докучая лишними вопросами, решила ждать, рассудив, что рано или поздно Лена расскажет все сама.

В жаркое августовское утро Лидия Сергеевна принялась собираться.

– Собирайся и ты, Леночка. Сегодня мы едем за город, в гости к нашим друзьям на дачу. Скорее всего, мы останемся там и на ночь.

Лена остановилась – сегодня она собиралась встретиться с Яковом. Лидия Сергеевна заметила, как девушка изменилась в лице.

– Что, Леночка, у тебя были другие планы? – спросила Лидия Сергеевна.

– Да, мы с Надей и другими девушками собирались днем пойти в парк, а вечером – в кино. Через неделю Надя с родителями уезжает на юг, и до сентября мы больше не увидимся, – покраснела Лена. Это была первая ее большая ложь, произнесенная в доме.

Лидия Сергеевна все заметила, но приставать с вопросами не стала.

– Хорошо. Только обещай, что из кинотеатра вы не пойдете гулять и вернетесь прямо домой. Договорились?

– Конечно, конечно, – торопливо сказала Лена.

– Помоги мне, пожалуйста, уложить детские вещи. А я пойду готовить завтрак.

Леночка обрадовалась, что все так легко обошлось, и сразу стала складывать в сумки детскую одежду и игрушки.

В двенадцать часов она проводила всех на улицу. Услышав последние наставления не забыть запереть дверь, кивнула, улыбаясь, расцеловала детей и помахала им рукой на прощание. Едва машина тронулась, Лена вихрем взлетела на третий этаж и почувствовала себя такой счастливой, будто освободилась из плена. Через час должен был прийти Яков. Лене не сиделось на месте, она стала прихорашиваться и вертеться перед зеркалом, то и дело поглядывая на часы. Время тянулось ужасно медленно.

«Не спускаться же точно в час, пусть немного подождет, понервничает – полюбит меня еще крепче, – подумала она сначала, но тут же себя одернула: – Ну что за глупость! Мне ведь каждая минута с ним дорога, зачем же их упускать! Если б не было так неловко, я спустилась бы и пораньше».

Наконец раздался бой часов.

– Яков! – вскрикнула она и побежала к двери. Заперев дверь и торопливо сунув ключ под коврик, Лена мигом скатилась по лестнице, быстрым шагом пролетела переулок и вышла на Остоженку.

У хлебного магазина уже стоял черный «опель». Яков посадил Лену в кабину и сел рядом с ней. За рулем «опеля» сидел водитель. Неожиданное присутствие постороннего скомвало Лену, и на его «Здрате!» она только кивнула головой.

– Куда едем, Яша? – спросил водитель.

– К торговым рядам, – сказал Яков водителю, не сводя глаз с Елены.

– Зачем мы туда едем? – шепотом спросила Лена.

– Потом скажу, – сказал Яков и подмигнул.

– Это твоя машина? – спросила Елена вновь шепотом.

– Моего отца, – сказал Яков и тут же пожалел, что так ответил. Он опасался, что девушка о чем-то догадается и испугается.

Яков взял Елену за руку и сказал:

– Хочу устроить тебе маленький сюрприз.

Когда они вышли у торговых рядов, он спросил:

– Плавать умеешь?

Елена растерялась и покраснела.

– Нет, – смущенно ответила она.

– Сегодня будет очень жарко, и я подумал, что было бы неплохо поехать за город, на Москва-реку. Может, и мои друзья там будут, хорошо проведем время. Что скажешь?

– Я боюсь. Не умею плавать. К тому же у меня нет купальника.

– Это не проблема. Главное, что ты согласна.

– Как скажешь, но знай, что я боюсь воды.

– Со мной ничего не бойся, Леночка. Ради тебя я... – он не закончил и слегка сжал ее руку. От этого прикосновения по телу Лены пробежала сладкая дрожь.

Яков повел ее к секции спортивных товаров и инвентаря.

– Тебе какой цвет нравится? – спросил Яков.

– Не знаю... Может быть, купим в другой раз? К тому же куда мне с ним потом? Я же не смогу принести его домой. Если найдут, могут быть неприятности.

– Не волнуйся об этом, мы что-нибудь придумаем. Хочешь, я подберу тебе?

– Нет, я сама, – сказала Леночка и стала рассматривать лавку.

Машина мчалась за город. Сквозь чуть опущенные стекла в салон с шумом врвался ветер и приятно теребил волосы. Лена и Яков сидели, взявшись за руки, и молча смотрели на дорогу.

Свернув с Хорошевского шоссе, машина, перемахнув мост, въехала на территорию санатория «Серебряный бор». В лесу россыпью стояли аккуратные деревянные коттеджи. Машина приблизилась к главному корпусу санатория, возле которого стояло несколько автомобилей. Яков попросил дежурную помочь девочке переодеться в купальный костюм.

Спустя двадцать минут Лена и Яков, спустившись по тропе, подошли к реке.

Народу на пляже было много. По реке скользили лодки, слышались крики детей. Минувая пляж, Яков открыл калитку высокого забора слева, и они с Леной оказались на отгороженной территории, по которой было разбросано несколько шезлонгов и пляжных зонтов. В аккуратном деревянном домике была устроена раздевалка. Так же, как и в санатории, здесь их встретила дежурная.

– Здравствуй, Яша.

– Здравствуйте, тетя Люся, у вас есть свободные кабины?

– Выбирайте любую, никого нет.

– Тогда дайте нам полотенца, и мы переоденемся.

Через несколько минут Елена вышла из раздевалки в купальном костюме. Ее лицо горело от смущения – впервые в жизни она чувствовала себя почти нагой. Яков понял ее состояние и с улыбкой сказал:

– Леночка, не смущайся, это пляж. Не ходить же нам в одежде! Когда-нибудь тебе все равно пришлось бы надеть купальный костюм. Твоих ровесниц на пляже много, не волнуйся.

– Здесь почти никого нет. Что это за место?

Разговаривая, они дошли до крайнего свободного зонтика.

Яков положил на шезлонг сумку и полотенца.

Леночка, ступив одной ногой в воду, воскликнула:

– Ой, какая холодная!

– Не бойся, привыкнешь, – засмеялся Яков и показал пример – с разбега бросился в воду, нырнул и вынырнул поодаль, поплыл, затем повернулся. Леночка стояла все там же, у самой кромки воды. Она чувствовала себя неловко – отдыхающие на соседних шезлонгах подняли головы и наблюдали за ней. Яков заметил этот интерес и тоже посмотрел на нее – оценивающе:

«Боже, как она прекрасна! Прямо кистью художника писана». Сквозь синий купальник отчетливо проступали соски высокой груди.

– Иди же, не бойся! – позвал он, но Лена, отрицательно помотав головой, осталась на месте.

Яков подплыл к берегу и медленно, загребая ногами воду, пошел к Лене: – Видишь, здесь неглубоко, иди, я же тут.

Леночка сделала пару робких шагов. Яков приблизился к ней, взял за руку и отступил, ведя ее за собой. Лена не сопротивлялась. Войдя в воду по пояс, она села, быстренько встала, затем опять села и, привыкнув к воде, сказала Якову:

– Я тоже хочу научиться плавать, как ты. Ну, покажи, что надо делать.

Они долго плескались. Ей не сразу удалось выучиться держаться на поверхности воды, чтоб проплыть хотя бы несколько метров. Яков решил прийти на помощь и поддержать Лену на поверхности. Когда он коснулся рукой ее тела, они оба, ощутив приятное волнение, затрепетали, втайне желая, чтобы эти секунды длились вечно.

Когда Лене удавалось проплыть несколько метров, она всякий раз спрашивала Якова:

– Ну, каково? У меня получится?

– Молодчина, хорошо! Все у тебя получится. Теперь отдыхай, постели полотенце, а я немного поплаваю и вернусь.

Через несколько минут Яков подошел к Леночке, которая сидела на шезлонге и сушила косы.

– Устала?

– Нет, совсем нет, я потом еще попробую. А ты устал?

– Нет, моя девочка, не устал.

Он сел прямо перед ней и, придвинувшись поближе, заглянул ей в глаза.

– Лена, я хочу сказать тебе что-то!

Лена опустила глаза.

– Что?

– Помнишь тот день в парке, когда я сказал, что люблю тебя?

– Да, помню.

– Елена, я тебя обманул.

Девушка оторопела.

– Что?!

– Да, я солгал, прости меня.

Елена едва сдерживалась, чтоб не разрыдаться от обиды.

– Знаешь, Леночка, я не просто тебя люблю, а люблю безумно и больше тебя на свете не люблю никого!

И Яков, придвинувшись к ее лицу, прошептал:

– Нет человека счастливее меня на этом свете...

Елена плакала, слезы ручьями текли из ее глаз.

– А ты, ты любишь меня, Леночка? – Он обеими руками поднял ее голову. Даже заплаканная девушка была прекрасна. – Скажи, ты меня любишь?

– Люблю, разве не знаешь, что я тебя люблю? – всхлипнула Лена.

Яков целовал ее глаза, слизывал слезы со щек. Затем он прильнул к ее горячим губам – и они поцеловались, сладко, как это бывает только при первой любви.

Лена опомнилась.

– Неудобно, Яша... Здесь люди...

– Им не до нас. Хочешь, опять пойдем в воду? – спросил Яков.

– Хочу, только я сама попробую.

– Хорошо, моя милая, я буду рядом.

* * * * *

Солнце давно уже клонилось к закату, когда они вышли с закрытого пляжа и по тенистой аллее из высоких сосен пошли к зданию пансионата.

В обеденном зале уже никого не было. Яков попросил администратора принести еду в номер и чтобы не забыли фрукты. Они поднялись по устланной ковровой дорожкой лестнице на второй этаж и вошли в двухкомнатный номер. Яков включил радио. Из него полился голос Любви Орловой. Затем он откупорил бутылку лимонада и налил стакан Лене.

– Располагайся! Выпей лимонаду, пока принесут еду.

Елена села в кресло и сделала несколько глотков. Яков достал из шкафа красное вино «Киндзмараули», откупорил бутылку и наполнил другой стакан.

– Ты когда-нибудь пила вино?

– Нет! – смущенно ответила Леночка.

– Было бы удивительно, – рассмеялся Яков.

– Не смейся надо мной. Мне ведь только шестнадцать, – вежливо, но с обидой в голосе сказала Леночка.

– Я не смеюсь над тобой. Хочешь попробовать? Это сладкое грузинское вино, с моей родины.

– Не хочу, дома узнают.

– Пока доберешься до дома, уже все пройдет.

– А я не опьянею?

– Пара глотков тебе ничего не сделает, а больше я тебе и не позволю. Не хочу, чтобы моя жена пристрастилась к вину.

У Елены зазвенело в ушах. Она уже ничего не слышала. Побледневшая, расширенными глазами посмотрела на Якова. Он подошел к ней и заменил стакан с лимонадом на стакан с вином. Потом он, налив себе вина, наклонился к Елене и сказал: – Любимая, ты станешь моей женой. Нашей любви никто не помешает. За нашу любовь, милая моя, – и Яков чокнулся с ней.

Оторопевшая Елена слушала, а в ушах все еще звенело.

Яков выпил вино. – Ох, как вкусно. И ты попробуй, любимая. Только такое вино украсит нашу любовь.

Лена сделала глоток и посмотрела на Якова.

– В самом деле вкусно и сладко. Я и не знала, что вино такое сладкое.

– Вино и вправду прекрасное. Скажи мне, ты выйдешь за меня замуж? – спросил Яков Елену и сел на корточки у ее кресла.

– Но я же только учусь в школе?!

– Это ничего, я подожду тебя. Если ты согласна стать моей женой, я буду ждать. Согласна?

– Я должна спросить у родителей.

– У родителей спросишь тогда, когда время придет. Сейчас я спрашиваю.

В дверь постучали. Яков встал, поставил стакан на стол и пошел встречать. У дверей стояла официантка с подносом.

– Ваш обед, Яша.

– Спасибо, Зина. Войди.

Зина вошла, поздоровалась с Еленой и принялась расставлять на стол тарелки с блюдами.

– Суп не принесла, только салаты и второе. Есть рыба и мясо. И приправы. Если чего-то не хватает, позовите меня.

– Спасибо, Зина. Молодец. Ты хорошая девушка.

– Ну, приятного вам аппетита.

Зина вышла, и Яков запер дверь.

– Давай пообедаем. Не стесняйся, с собственным мужем стесняться не полагается. Давай поедим, а то я голоден как волк. Ты ведь тоже проголодалась?

Леночка кивнула.

– Да, немного.

– Ну и очень хорошо, сядем за стол.

Леночка поставила стакан и оглянулась.

– Сейчас я накрою стол, только руки помою.

– Все уже накрыто. Пойдем, я покажу, где можно помыть руки.

Через несколько минут Елена вернулась из ванной.

– Ну, скажи мне, что делать. – Чуть освоившись, она осмелела.

– Ничего. Садись, давай как следует поедим. После долгого плавания надо подкрепиться, чтобы восстановить силы.

– Я совсем не устала, мне очень даже понравилось. Мне надо хорошо научиться плавать, чтобы догнать тебя. – Она от души рассмеялась. Смех Лены пьянил Якова не хуже вина. Во время обеда молодые мило улыбались друг другу. Леночка выпила еще глоток вина.

– Такое вино только в Грузии?

– Да, только у нас, а также во Франции. Но наше лучше.

– Ты расскажешь о Грузии? Хочу побольше узнать о твоей родине.

– Не только расскажу. После свадьбы мы поедем в Тбилиси, и я покажу тебе прекрасные места. Таких мест больше нет нигде на свете. – Яков поднял стакан и продолжил:

– В Тбилиси мы тоже свадьбу справим. Туда и твоя семья приедет.

У Лены блестели глаза. Она чувствовала, что счастлива. «Как быстро он изменил мою жизнь», – мелькнуло в голове. Яков встал, помог Лене привстать со стула, всем телом прижал ее к себе и обнял. Затем поцеловал ее шею.

У девушки помутнело в глазах, по ее телу пробежала дрожь. Яков шепнул ей на ухо:

– Любимая моя, я счастлив с тобой, очень счастлив. – Он опять поцеловал ее в шею.

Девушку уже покидали силы.

Яков поднял Лену на руки, поцеловал в губы и понес в спальню, где осторожно положил ее на кровать, потом опустился на колени рядом и стал целовать.

Девушка вся дрожала.

– Леночка, Леночка, милая моя, – шептал он.

Рука опытного мужчины нежно ласкала ее еще по-детски пахнувшее тело.

Косые лучи вечернего солнца наполняли спальню светом. Яков задвинул тяжелые бордовые шторы и прикрыл дверь. В спальне стало совсем темно. Яков подошел к кровати, разделся, бросил на стул одежду и, откинув покрывало, лег рядом с Еленой. Яков понимал, что спешит, слишком спешит, но остановиться уже не мог, его разум помутился от страсти. Леночка лежала в смятении, с закрытыми глазами и не двигалась. В голове поплыли мысли, в глазах молниеносно менялась мозаика. Охваченная легкостью и блаженством, она, оцепенев, вновь ждала ласки. Яков привлек ее к себе, нежно поцеловал в шею, потом в губы. Неопытная Елена пыталась отвечать взаимностью. Яков сдвинул ее платье и стал гладить ноги. Он нежно провел рукой выше колена по ее бедру. Девушка затрепетала.

Яков снял с нее платье. Леночка даже помогла ему. Он отстегнул на ее спине белый миткалевый лифчик. Покрасневшие выпуклые соски на белых мраморных грудях светились в темноте и манили к себе. Яков прильнул губами к соскам, как изможденный жаждой, и целовал то одну, то другую грудь. Юная дева стонала и, хватая его за волосы, тянула к себе и ласкала лицо, плечи и сильные руки. Яков провел рукой ниже ее живота и осторожно пощупал половые губы. Девушку затрясло. Яков ловким движением снял с нее трусики, завел одну руку за талию и стал держать крепкие ягодички, а второй нежно прищемил ее груди. Затем он приподнялся на колени, правой рукой повел по ее бедру и согнул ей ногу в колене. То же он проделал с левой ногой и очутился у девушки между ног. Потом завел руку ей под бедра, медленно подпер и, притянув к себе, осторожно лег на нее. Девушка дрогнула, вскрикнула и застонала. Она

стонала и плакала: в ней смешалось все – и боль, и радость, и наслаждение. Под конец все стало одним блаженством. Яков осушал мокрые глаза Елены поцелуями. Руки Елены сами оказались на плечах Якова. Она пыталась двигаться вместе с ним, но не смогла догнать его.

Они долго лежали уставшие и одурманенные. Усталый Яков продолжал ласкать Лену, и та не спешила открывать глаза, боясь, что блаженство исчезнет.

Затем разум победил ее чувства. «Я уже женщина! Я – женщина!» Из ее глаз хлынули слезы. Она плакала не от обиды или боли, нет – она прощалась со своим горьким детством. Всклипывая, она обняла Якова за шею и прижала его к себе, боясь отпустить.

Яков долго ласкал и успокаивал Елену, шепча ей нежные слова. В конце пощекотал ей ухо и нежно укусил за мочку. Лена, вскрикнув, перестала плакать. Она уже примирилась с новой действительностью.

Когда Яков проснулся, было уже темно. Из приоткрытой двери в ванную комнату на постель падал тонкий луч света. Яков осторожно высвободил руку и бесшумно встал. Был первый час ночи. Он пожалел, что не проводил Леночку вовремя. «В доме у нее, наверно, уже подняли тревогу. Могут заявить в милицию. У нее наверняка возникнут проблемы, да и у меня тоже. Запрут дома, и мне будет трудно видеться с ней». Об этом ему не хотелось даже думать. Он решил разбудить Елену. Нагнувшись, он осторожно поцеловал ее в щеку. Юная женщина даже не дрогнула. Он еще раз поцеловал ее и ласково погладил по голове.

Леночка повернулась к нему и открыла глаза.

– Моя милая, ты знаешь, который час?

– Не знаю, – шепотом сказала Елена сонным голосом.

– Начало первого. Твои родители, наверно, уже подняли тревогу дома. Что нам делать?

Елена вздрогнула, но, вспомнив, что все уехали на дачу, успокоилась.

– Что делать? – повторил Яков.

– Если поцелуешь, то скажу.

Яков слегка опешил от неожиданности, но наклонился и поцеловал Лену. Лена обняла его за шею, притянула к себе, затем отпрянула и шепнула на ухо:

– Не волнуйся. Мои сегодня за городом и на ночь остались там. Они вернутся только завтра вечером.

У Якова отлегло от сердца, на радостях он вновь обнял Лену и стал ласкать. Она тоже осыпала его поцелуями. Это уже были совсем другие ласки, женщина выросла на целую голову. Еще пока робко, но страсть любви уже пробуждалась в ней... Они заснули на рассвете, а когда проснулись, было уже за полдень.

В спальню даже сквозь занавеси просачивался свет. Проснувшись, они еще долго ласкались, а затем решили отправиться в парк имени Горького. Днем в парке было жарко. Увидев у фонтана фотографа с фотоаппаратом на штативе, они переглянулись.

– Может, сфотографируемся? – спросил Яков.

– Давай! – радостно ответила Елена.

– Снимешь нас? – спросил Яков, подойдя к фотографу.

– Охотно. Вы такая красивая пара, что я должен выбрать для вас лучшее место. Тут нужен высокохудожественный уровень.

За ночь огонь страстей поутих, и у влюбленных были спокойные и сияющие лица. Фотограф долго выбирал место, потом, усадив клиентов, долго пересаживал, поворачивал и поправлял их обоих и в конце концов заснял. Фотограф казался довольным.

– Когда будет готово?

– Для вас, Яша, – через два часа.

– Два снимка, хорошо? Только два, понимаете?

– Жаль. Такой снимок заслуживает витрины. Но, Яша, как скажете. Будет только два. Приходите через два часа.

Когда они отошли от фотографа, Лена спросила:

– Откуда он тебя знает, Яша?

– Мы с ребятами иногда приходим сюда, вот и знает.

Взявшись за руки, они пошли гулять по парку.

Когда они исчезли в тени аллеи, к фотографу подошел мужчина: – Сколько снимков заказали, Гриша?

– Два. Такая красивая пара...

– Сделаешь один для меня. И тихо.

– Но...

– Шевелись быстрее, у меня нет времени.

Фотограф понял, что спорить бесполезно.

В шесть вечера Лена и Яков вышли из парка. Фотографии им очень понравились. Когда дошли до Остоженки, Яков сказал: – Завтра приду в пять часов. Сможешь? – и нежно поцеловал.

– Постараюсь, – сказала она и пошла быстрым шагом к дому. На полпути она оглянулась и еле заметно махнула Якову рукой. Яков тоже помахал ей на прощание и сел в машину. Елена зашла в переулок и остановилась – ждала, когда проедет машина. Затем проводила глазами «опель» и посмотрела на его номер – «058».

Дома еще никого не было. Обрадовавшись этому обстоятельству, Лена достала фотографию и долго смотрела на нее. Под фотографией красовалась надпись: «Центральный парк культуры и отдыха. Москва, август 1936 года». Она коротко записала что-то в своей тайной тетради, несколько раз поцеловала фото и спрятала его между страниц дневника.

Елена и Яков встречались почти ежедневно, иногда на пару часов, а иногда целый день проводили вместе в квартире Якова, которую он снял на Пречистенке, неподалеку от дома Лены. Им также удалось дважды съездить искупаться в «Серебряный бор».

Лето мигом пролетело, настал сентябрь. Елена опять пошла в школу, и теперь они уже не могли так часто встречаться. Но Якову иногда удавалось подкараулить ее недалеко от школы, чтобы увидеться хотя бы на короткое время. На уроках Лена была рассеянной, едва дожидалась завершения занятий.

На дворе уже давно стоял октябрь, когда Елена почувствовала, что с ней что-то происходит, но не могла понять, что именно. Она созналась Наде, что ее часто мутит и несколько раз даже стошнило. Надя посмотрела на нее словно обезумевшая.

– Ленка, ты сошла с ума?! Ты забеременела? Кто он, этот Яков? засыпала вопросами Надя.

Лена побледнела.

– Ты думаешь, я беременна?

– Это явные симптомы! И лицо у тебя изменилось. – Надя оценила ее положение, как опытная женщина.

– Что делать? Ведь надо как-то сказать дома?

Надя обо всем расспросила Лену, когда, почему и как это случилось.

– Может, он силу применял?

– Нет, все было по моему согласию, – прошептала она, понуриив голову. – Мы любим друг друга и должны пожениться.

– Ты с ума сошла! Нашла время выходить замуж! А учеба?

– Он сказал, что будет ждать меня.

– А как же ребенок? Кто тебя с ребенком на руках в школу пустит? Ты об этом подумала?

– Нет, об этом я не думала, – откровенно призналась Лена. – Счастливые об этом не думают.

– Гм?! Что же нам делать?

– Не знаю. Якову пока не скажу. Но дома...

– Почему не скажешь? Наоборот, ты должна сказать!

– Надя, я тебя очень прошу, не говори об этом никому. Дай мне слово, хорошо?

– Что за чушь, кому я скажу? Да скоро и так все узнают, когда у тебя живот вырастет.

Девушки долго рассуждали, что делать, но так ничего и не придумали.

Лидия Сергеевна заметила, что Леночка очень изменилась. В последние дни она загрустила, у нее пропал аппетит. Вдобавок ко всему у нее появились странности, которые не могли укрыться от глаз опытной женщины.

Город, лежавший в осенней желтизне, ежедневно мрачнел и становился холоднее. Скоро начинались ноябрьские каникулы.

Однажды, когда Лена поздно пришла из школы, Лидия Сергеевна позвала ее на кухню.

– Иди, Леночка, еда уже на столе.

Леночка вошла на кухню и села. На ее лице тяжелой печатью лежали усталость и озабоченность. Вымыв посуду, Лидия Сергеевна вытерла руки полотенцем и повернулась к Лене.

– Как жизнь? Как дела в школе?

– Спасибо, ничего, – вяло ответила Леночка.

– Что тебя мучает, Лена? Я же вижу... Почему ты от меня скрываешь? Я же тебе не чужая...

Лена растерялась, покраснела и понурила голову.

– Скажи, моя девочка, что происходит? Я должна знать все, чтобы помочь тебе.

– Ничего, ничего не происходит, – торопливо ответила Лена, по-прежнему глядя в пол.

– Это уже настоящее ребячество! – сказала обиженная Лидия Сергеевна.

– Чем быстрее ты скажешь, тем будет лучше. Ты влюблена? – уже мягче спросила она и добавила: – Ну и прекрасно! Если это так, то, может, я смогу тебе помочь и научить, что к чему? Я ведь старше и опытнее тебя. Кто он, как зовут?

Елена смекнула, что Лидия Сергеевна или уже знала, или догадывалась о чем-то.

– Его зовут Яков.

– Да-а?! Он еврей?

– Нет, грузин.

– Гм... Ныне они в моде, – сказала она с иронией и улыбнулась.

– Он тоже любит тебя?

Елена робко кивнула головой.

– Если он на самом деле любит тебя, это хорошо. Когда ты с ним познакомилась? – допытывалась она.

– Летом.

– Он тоже учится в школе? – в голосе Лидии слышалась надежда.

– Нет.

– Студент, что ли?

– Нет.

– Сколько же ему лет? – уже взволновалась Лидия.

– Наверное, тридцать.

Лидия Сергеевна изменилась в лице.

– Кто он? Надин брат?

– Нет, Надин брат – это Саша...

– Ты что-то скрываешь, Леночка. Скажи, между вами что-то было? Не скрывай ничего, моя девочка. Скажи, пока не поздно. У вас уже была близость?

Лена молчала. Ей очень хотелось убежать куда-нибудь. Лидия Сергеевна обо всем догадалась. У нее сильнее забилося сердце.

– Боже мой, Леночка, расскажи мне все.

Из комнаты донеслись крики детей. Самый младший, Тимофей, заплакал.

– Я сейчас вернусь, и ты все мне расскажешь, хорошо? – сказала Лидия Сергеевна и вышла.

Лена не знала, как поступить. Да и скрывать уже не имело смысла – через две-три недели все и так стало бы явным.

Лидия Сергеевна утихомирила детей и, вернувшись, села перед Леной на стул.

– Расскажи мне все, моя девочка. Он не насильничал?

– Нет. Я... я люблю Якова. И он меня – тоже.

– Когда это случилось?

– В августе.

– Боже мой, ты сама отдалась ему? Скажи правду.

– Он хочет жениться на мне.

– Не рановато ли?! Ты еще несовершеннолетняя, а он тридцатилетний мужчина. Знаешь, что это значит? Как его фамилия?

– Не знаю. – Она замолчала.

– Он очень хороший человек.

– Ты не беременна? Что-нибудь замечаешь?

– Может быть, – прошептала Елена.

– Боже мой, – Лидия Сергеевна вскочила со стула. – Какой мерзавец, как он мог сделать это с ребенком! У тебя уже есть признаки? – допытывалась Лидия. – Тебя тошнит?

– Да, часто, – ответила Лена, кивнув.

– Боже мой! – вырвалось у Лидии. – Что я слышу!.. Короче, так, завтра мы пойдем к врачу, а затем, наверное, надо будет найти этого типа. Тебе надо избавиться от плода, пока об этом не узнали в школе.

– Я этого не сделаю. Я люблю Якова, – спокойно и твердо произнесла Лена.

– Ты что, с ума сошла? Я считала тебя более умной. Этого твоего Якова следует арестовать!

– Нет, я выйду за него замуж! – вновь твердо ответила Лена.

Лидия Сергеевна всполошилась. Она не ожидала от Елены такого упрямства. Ее твердость и уверенность не давали повода даже для жалобы. Затем Лидия сказала ей ласково:

– Ты хоть фотографию покажи, каков он, твой Яша. Если он такой золотой, как ты говоришь, должны же мы с ним хоть познакомиться?

Елена встала и вышла в другую комнату. Скоро вернулась и принесла фотографию. Лидия Сергеевна взглянула на фото.

– Видно, что парень и впрямь хороший, но представляешь, насколько он старше тебя? А твоя школа? Планы на будущее, университет? Хочешь проститься со всем этим?!

Елена молчала.

– Ладно, придет Николай Сергеевич, и мы решим, что делать. А ты не упрямься. Ведь мы тебя не только любим, но и ответственность большую несем.

Елена с мольбой посмотрела на Лидию Сергеевну.

– Даже не думай, Николай Сергеевич должен знать. А сейчас ешь и иди отдыхать.

Николай Сергеевич вернулся домой в девять вечера. Поболтав с младшими, он заглянул в гостиную, где обычно спала Лена. Спросил ее об учебе в школе, но, увидев, что девушка не в духе, оставил ее в покое.

Николаю Сергеевичу было сорок шесть лет. Он был уроженцем города Николаева, что на южной Украине. Еще во время учебы в Петербургском университете Николай примкнул к социал-демократам, после революции активно работал в большевистском ревкоме, потом в аппарате Зиновьева. Тогда же он познакомился и сблизился с Троцким. После Гражданской войны его перевели в Москву. Сначала работал в ЦИКе, затем – в отделе промышленности

Центрального Комитета партии, так что партийных и хозяйственных руководителей он знал очень хорошо. В аппарате его тоже уважали – и как революционера со стажем, и как хорошего специалиста, ему всегда доверяли ответственные посты. Знали и о его симпатии к Троцкому, однако, когда в руководящих и исполнительных партийных органах проводили первую чистку троцкистов, Николая Сергеевича не тронули как скромного и нужного кадра.

Женился он поздно. Старшему сыну, Сергею, было семь лет, Наталье – шесть, а маленькому Тимофею – всего четыре. Когда Николай Сергеевич удочерил Елену, Тимофею не было и года.

Лидии Сергеевне, уроженке Тверской губернии, было тридцать три года. Гражданская война и ее перебросила в Москву, где она окончила техникум рабочей молодежи и работала в хозяйственной службе Моссовета. В последние годы из-за малолетних детей она перешла на полставки.

Николай Сергеевич вошел на кухню. Лидия Сергеевна уже накрыла на стол. Супруги поцеловались и расселись. Лидия не знала, с чего начать. Она медлила, не хотела портить мужу аппетит. Николай Сергеевич заметил, что Лидия собирается что-то сказать, и решил начать сам:

– Что-то Елена наша не в духе. Должно быть, в школе что-то случилось? Ты не спрашивала?

– Спрашивала... Не знаю, как тебе и сказать, – начала Лидия Сергеевна.

– Скажи как есть. Что-нибудь серьезное?

– Да, Коленька, плохая весть.

Человека, прошедшего сквозь вихрь революции и огонь Гражданской войны, испугать было трудно, однако Николай Сергеевич встревожился.

– Что случилось?

– Наша красавица попала в историю. Она влюблена в мужчину, который старше ее.

– Ух ты! Я тоже старше тебя, и что?

– Коленька, тут другое. Познакомившись этим летом, они уже все успели, и... Видимо, она забеременела.

– М-да... Как его зовут, сколько лет? – процедил сквозь зубы Николай Сергеевич.

– Его зовут Яков, он грузин. Ему под тридцать. Елена говорит, что он любит ее и собирается жениться на ней, однако девочке всего шестнадцать, она еще и школу не окончила. Представляешь, что теперь будет?

Николай Сергеевич помрачнел.

– Скотина! Как он посмел, сукин сын!

– Да нет, погоди. Парень он симпатичный, очень порядочный и образованный. – Лидия попыталась смягчить положение. – Лена мне показала его фото. Я ей сказала, что придется избавиться от плода, но она заупрямилась. Говорит, что они любят друг друга и этому не бывать.

– Сукин сын, погубил девчонку! Мы ее удочерили, дали фамилию, вырастили, несем ответственность... Это ему так не сойдет. Я этого так не оставлю...

– Погоди, Коленька, может, лучше встретиться с этим парнем и потом решить, что делать? К чему нам скандал? Ты лучше меня знаешь, что твоя служба не терпит неприятностей. Я думаю, нам удастся решить все мирно. Если он окажется порядочным человеком и возьмет Елену в жены, затем и с учебой как-то решим. Подожди, я тебе покажу его фото. Он тебе понравится, у него лицо порядочного человека...

Николай Сергеевич не находил себе места. Он встал, прошелся туда-сюда по кухне, затем вышел в коридор и вернулся. Лидия вошла к Лене. Та, усевшись на диване, что-то писала.

– Лена, дай мне фотографию, – деловито сказала Лидия.

– Уже сказали? – Она горестно посмотрела на Лидию Сергеевну.

– Да, сейчас хочу его успокоить. Не бойся. Покажу ему фотографию. Может быть, ему тоже понравится Яков и...

Елена с надеждой посмотрела на нее, достала из тетради фото и протянула Лидии.

– Ты ложись спать. Завтра надо идти в школу, а после пойдем к врачу. – Лидия Сергеевна вышла на кухню. Николай Сергеевич стоял у кухонного окна и нервно щелкал пальцами. Услышав шаги, он обернулся.

– Посмотри, Коля, на этих глупцов. – Она протянула ему фотографию. Николай Сергеевич взял и, взглядевшись в фотографию, медленно опустился на стул.

– Что такое, Коленька? – испугалась Лидия.

– Мы погибли!

– Что ты говоришь?!

Николай Сергеевич будто язык проглотил.

– Что с тобой? Ты его узнал?

– Узнал. Это его сын.

– Чей сын?!

– Это Яша Джугашвили. Сын Сталина.

– О боже! За какие грехи?!

Оторопевшая Лидия опустилась на стул.

– Этот сукин сын развелся с первой женой. Со второй его заставили развестись. Теперь он соблазнил нашу девочку. Настоящая скотина. Он толком и покончить с собой не сумел. Всю их семью надо истребить. Скольких людей они погубили и скольких еще погубят!

– Тише, Коленька, тише... не забывай, что у нас дети, – сквозь слезы прошептала Лидия.

– Если дело получит огласку, всем будет худо. Они погубят нас, – процедил сквозь зубы побледневший Николай Сергеевич.

Подавленные супруги долго сидели молча. Затем Николай Сергеевич спокойно сказал:

– Я увижусь с Яковом и поговорю с ним.

– Это же опасно, Коленька...

– По-твоему, лучше сидеть и делать вид, будто ничего не случилось? Нет, Лидочка, с ним надо встретиться. Если у этого сукиного сына осталась хоть капля чести, он должен ответить за свой поступок.

– Я боюсь, Коленька.

– Знаю, но иного пути нет. – Он умолк, затем устался в стену.

– Что за ирония судьбы? У сына Сталина и внучки Троцкого может появиться отпрыск.

Такого родства даже врагу не пожелаешь.

Через некоторое время Николай Сергеевич сказал:

– Скажи Елене, чтобы привела Якова к нам.

Увидев обеспокоенное лицо Лидии, он еще немного подумал и добавил:

– Нет, лучше я сам с ним встречусь.

* * * * *

Яков позвонил в Тбилиси любимой тете Марико.

– Приезжай, пожалуйста, ты мне позарез нужна.

– Через две недели я возвращаюсь в Москву. Что за спешка? Что-то случилось?

– Ничего, тетя, все спокойно, но... – Яков умолк, – ты срочно должна приехать. При встрече все расскажу.

Тетя Марико – Мариам Сванидзе – работала у Авеля Енукидзе в секретариате ЦИК. Взяв отпуск, она поехала в Тбилиси. В марте 1935 года Авеля Енукидзе освободили от должности и назначили начальником кавказских курортов. Тетя Марико тоже подумывала о возвращении в Грузию, поэтому, взяв отпуск, она отправилась в Тбилиси, чтоб обустроить дела.

Через четыре дня Яша встречал на вокзале поезд. Из спального вагона вышла тетя Марико – рано поседевшая, но еще привлекательная женщина невысокого роста. В ее красивых глазах отражались усталость и бессонница. Яша помог ей сойти с подножки и, чмокнув в щеку, схватился за багаж.

– Ох, тетенька, ну и тяжесть, что ты везешь?

– Ничего особенного: бутылки с ткемали, сладкое вино, банки с вареньями и кое-какие мелочи. Я едва успела собраться. Должна сказать, Яша, что с тобой не соскучишься.

Они молча направились к выходу. Вокзал кишел людьми. Но как только сели в машину, Марико не выдержала:

– Яша, сейчас же расскажи мне, что случилось. Я всю дорогу глаз не могла сомкнуть!

– Все в порядке. Я и по телефону тебе говорил.

– Не случись ничего, не просил бы меня срочно приехать. Как отец?

– Хорошо.

– Не впутался ли ты в новую историю?

– Нет, нет, тетя, – сказал Яша, смеясь, и поцеловал ее в щеку.

Яков Джугашвили родился 18 марта 1907 года, а через девять месяцев, 5 декабря того же года, его мать Екатерина Сванидзе умерла от тифа. Отца, Иосифа Виссарионовича Джугашвили, 6 марта 1908 года арестовали в Баку и сначала отправили в тюрьму Баилово, а затем выслали в Сольвычегодск. Будучи грудным ребенком, Яков осиротел. После смерти матери он рос в семье Сванидзе, о нем заботились молодые мамыны сестры – старшая Александра и младшая Мариам, Марико. По большей части Яков рос у Марико, поэтому он и любил ее больше всех. Она ведала о всех его тайнах – тетя и племянник безгранично доверяли друг другу. Когда Яков почувствовал опасность, он, естественно, сразу обратился за помощью к Марико.

Они приехали на квартиру Якова, положили вещи и уселись в кресла.

– Яков, подай мне воды, а то жажда замучила.

Яков бегом метнулся на кухню и быстро принес ей воду. Тетя рассмеялась.

– Осторожно, мой мальчик, не споткнись, радость моя. – Она глотнула воды. – Давай рассказывай, что там у тебя случилось. Только ничего не скрывай.

Яков рассказал ей о случившемся и показал фотографию.

– Боже, она ведь еще дитя! Но какая красавица! Совсем не похожа на русскую.

– Да, она украинка.

– Что ты натворил, гадкий мальчишка?! Как ты мог... с такой юной? Боже мой!

– Я очень люблю Елену. Женюсь на ней через пару лет, когда она подрастет.

– Ох! А ты не думал, что будет, если твой отец узнает...

– Нет, тетенька, он пока не должен узнать. Я хочу, чтоб у меня была своя жизнь. Я без его ведома и шагу ступить не могу. Трудно так жить.

– Что с женой будет? С ребенком?

– Ты же знаешь, я с ней развелся.

– А кто родители Елены?

– Отец работает в ЦК партии. Он старый революционер.

– Тем более это все быстро всплывет наружу. Ты не думал, что будет лучше, если она избавится от плода, пока не поздно? Между прочим, Яша, это большой грех.

– Знаю, тетенька. И я не хочу, чтобы это случилось. Да и Леночка об этом слышать не желает. Мы друг друга очень любим.

– Глупая девочка, – горько усмехнулась Марико.

– Она знает, кто твой отец?

– Нет, Лена в полном неведении. Зато ее отец узнал меня по фотографии. Леночке об этом не говорят, чтобы не нервничала.

– Что же ты собираешься делать?

– Милая тетя, возьми Елену в Тбилиси. Пусть она рождает там. Там и школу подыщем.
– Да ты с ума сошел!
– Так будет лучше. Здесь в любой момент может случиться скандал и...
– А там не случится? Тбилиси – очень маленький город. А ее родители что скажут?
– Я разговаривал с отцом Елены. Николай Сергеевич согласен.
– Боже мой, у них еще есть дети?
– Да, трое.
– Понятно, – многозначительно сказала Марико.
– Отец Елены тоже не хочет скандала. Он человек с жизненным опытом. Семья порядочная.

– Они-то порядочные. А ты? Негодяй.
– Возможно, я тоже вернусь в Тбилиси. Не хочу больше здесь оставаться.
– А там что будешь делать?
– Не знаю. Найду какое-нибудь дело.
– Где сейчас девочка?
– Пока в школе. После уроков приведу к тебе. Через два дня у нее начнутся каникулы...
– Вижу, что для своей пользы ты все хорошо продумал. А вот мне что делать? В Тбилиси эту историю не утаишь. Она непременно дойдет до твоего отца, и потом... пеняй на себя. Да и мне не избежать неприятностей. Надо было думать о последствиях!

Марико долго еще ругалась и охала – больше ей ничего не оставалось.

Елена ей понравилась с первого взгляда. Марико долго и ласково говорила с ней, не забывая ругать Якова. – Яков хороший, не надо его ругать, – тихо говорила Леночка.

– Он-то хороший, но вы оба – глупыши, и особенно Яков.

Потом Марико сказала, что Лене лучше уехать в Тбилиси, иначе разразится скандал, будут большие неприятности в школе. Проблемы возникнут и у ее отца. Девушка не понимала, в чем провинился ее приемный отец, однако ответа не получала. Лена плакала и грозилась, что в случае разлуки с Яковым покончит с собой. Узнав, что ее родители согласились на отъезд, Елена наконец успокоилась и стала задумчивой. В голове бродили мысли вдруг повзрослевшей от невзгод девушки.

Под конец Лена сказала:

– Хорошо, тетя. Если родители согласны, я поеду с вами.

Она взглянула на Якова.

– А ты, ты приедешь? – вопрос прозвучал так умоляюще, что у Якова на глаза навернулись слезы.

– Приеду, приеду, обязательно приеду, моя милая! Устрою одно дело и приеду! Ты же знаешь, как я тебя люблю!

Тетя смотрела на них и не могла сдержать слез.

– Глупышки, какие они милые глупышки, – говорила она про себя.

За окном прояснилось, и в квартиру заглянул лучик низкого осеннего солнца. Елене вдруг стало легче на душе, она перестала плакать, успокоилась и как будто смирилась со своей судьбой. Яков принялся смешить ее своими шутками.

Из Москвы они уехали через три дня и в воскресенье утром прибыли в Тбилиси, который встретил их ласковой теплой погодой. Город Елене очень понравился. Ей казалось, что не только погода, но и люди здесь теплее и душевнее, чем в Москве. Вечером они прогуливались по улицам, украшенным флагами и транспарантами – столица Грузии готовилась к годовщине Октябрьской революции. Елена восхищалась городом, но все же грустила и часто спрашивала у тети, не обманет ли ее Яков, приедет ли он и как скоро. Тетя успокаивала ее: – Не волнуйся, моя дорогая, он тебя не обманет. Скоро приедет, совсем скоро.

Для любопытных соседей тетя по дороге сочинила легенду. Придумала и то, у кого поселить девушку, дабы она привлекала к себе поменьше внимания. Марико особенно волновали беременность и предстоящие роды Елены.

На улице Плеханова жила семья Сикорских, имевшая с тетей Марико близкие отношения. Супруги Сикорские в конце 20-х годов переехали с Украины в Тбилиси. Несмотря на бездетность, им выделили двухкомнатную квартиру с кухней на втором этаже дома с итальянским двором.

Оба были врачами. Муж, Евгений, работал в травматологической больнице на улице Камо, а Соня – напротив, в роддоме на той же улице.

Марико сочла это самым лучшим вариантом как для девочки, так и для сохранения тайны. Вечером после прогулки, оставив Леночку дома, Марико направилась к Сикорским.

Соня встретила гостью радушно. Евгения дома не было. Подруги долго беседовали. Тетя Марико рассказала Соне все, что ее беспокоило и что она задумала. Откровенно призналась, почему доверилась именно ей. Соня недолго колебалась, однако сказала, что нужно узнать и мнение мужа. Евгений пришел чуть подвыпившим и встретил гостью тоже весьма радушно. Женщины сообщили ему то, о чем они говорили и что задумали в его отсутствие. Евгений с радостью согласился и выразил желание немедленно увидеть девушку. Через десять минут все трое вышли из дома и направились навестить Елену.

Было темно, но не слишком поздно.

В большой комнате горел свет. Леночка, укрытая пледом, спала на кожаном диване. Утомленная от путешествия и впечатлений, девушка спала глубоким сном. Все присели за стол, не решаясь разбудить ее. Очарованная чета Сикорских восторженно смотрела на спящую красавицу. В невинном, спокойном сне она излучала еще больше нежности и красоты.

– Когда нам ее забрать к себе? – спросил Евгений.

– Думаю, лучше забрать сегодня же, – сказала Соня.

– Пожалуй, так будет лучше, – сразу же согласился с ней Евгений.

– Тогда я должна разбудить ребенка, чтобы она познакомилась с вами, – сказала Марико.

– Она еще не знает, что ее должны перевести в другое место.

От их шепота Леночка проснулась. Открыв глаза, она стала щуриться при свете.

– Ой, тетя, вы уже пришли? Я ждала вас, ждала и заснула.

Девушка только сейчас заметила гостей и смущенно поздоровалась.

– Добро пожаловать в Тбилиси, – сказала Соня.

– Спасибо, – ответила Леночка спросонья.

– Пойди, моя красавица, умойся и проснись. Сейчас будем пить чай.

Тетя позвала Елену на кухню:

– Доченька, помоги вынести чайный сервиз. Достань из шкафа синие блюдца, чашки и поставь на поднос. Знаешь, кто эти люди? спросила тетя и продолжила:

– Это близкие друзья нашей семьи. Они оба – известные врачи и очень хорошие люди.

Их знает и уважает весь город.

Лена не могла догадаться, куда клонит Марико.

– Тебе, наверное, временно придется жить у них, – сказала тетя без обиняков.

– Так будет лучше для тебя. Соня – врач родильного дома, а тебе сейчас лучше находиться под присмотром врача. К тому же твое появление в Тбилиси вызовет меньше пересудов, если будешь жить у Сикорских, – они тоже с Украины, как и ты. Мы все предусмотрели. Знаю, что ты умная девушка и поступишь правильно.

– А где будет жить Яков, когда приедет? – спросила Елена.

– За это не переживай. Конечно, он будет с тобой, куда же ему деваться? Это ведь главное?

– Да, это так, – ответила Леночка.

– Ну а я ежедневно буду тебя навещать.

– Вы не бросите меня? – всхлипывая, спросила Леночка.

– Что ты, доченька? Пока я жива, я тебя не покину. – И тетя, прослезившись, заключила Елену в объятия.

Гостям подали чай. Сикорские долго расспрашивали Елену о Москве, о школе.

Она отвечала разумно и последовательно, ее умные глаза лучились теплотой. Сикорским она понравилась.

– Леночка, ты пойдешь к нам в семью? – улыбаясь, спросила ее Соня.

Елена потупила взор и посмотрела на чашку. Воцарилось молчание. Затем она подняла голову и со спокойным видом спросила у Сони:

– Я вам не помешаю?

– Нет, Леночка, что ты говоришь? Мы будем только рады, если ты согласишься жить с нами. Не так ли, Женя? – Она посмотрела на мужа. Евгений улыбаясь, сказал:

– Леночка, у нас нет детей, и твое согласие принесет нам огромную радость. Мы тебе тоже не чужие.

– А от вас к кому мне придется перейти? – спросила Елена.

Сикорские, слегка ошарашенные вопросом, некоторое время не могли проронить ни слова, но, понимая, из каких глубин он прорвался, быстро пришли в себя.

– Что ты говоришь, Леночка, моя красавица! Если ты останешься у нас, мы будем счастливы. Мы никуда тебя не отпустим, пока ты сама этого не захочешь.

– Хорошо, я пойду к вам. Но когда Яков приедет, мы, видимо, переедем в другое место, – поглядев на тетю Марико, сказала Лена.

– Разумеется, – согласилась Соня, – только вот еще что, Леночка. Ты умная девушка и должна понимать, что про твой роман с Яковом пока никто не должен знать.

– Хорошо, – согласилась Лена, несколько недоумевая, почему здесь, так далеко от Москвы, ей необходимо скрывать свою любовь, однако вопросов задавать не стала.

На улицу они вышли втроем и медленно двинулись по украшенной флагами улице Плеханова. Евгений нес чемодан Лены, по дороге рассказывая, где и что на их улице расположено. На вопрос попадавших навстречу соседей Евгений пояснял, что Лена его племянница, которая только что приехала.

– Добро пожаловать в Тбилиси, красавица! Завтра я познакомлю тебя с моей дочкой, Тинико, – приветливо сказала Елене соседка.

Квартира, где жили Сикорские, Елене очень понравилась – две просторные светлые комнаты и кухня. Евгений говорил ей, что в большой комнате он для нее устроит уголок и перепорудит гардеробом так, что ее комната будет лучше всех. Елена улыбалась и кивала.

Жизнь опять швырнула ее, словно мячик, в другое место, к другим людям, но она очень скоро привыкла и к новому двору, и к новым соседям, и к новому городу. Начался новый этап ее жизни на новом месте.

* * * * *

До возвращения в Москву тетя Марико каждый день навещала Елену, как могла веселила и развлекала ее. Она принесла ей книги, чтобы Лена могла учиться дома и наверстать упущенное. В течение двух недель тетя сама проверяла уроки, а затем перепоручила это Соне. Все свободное время Соня теперь проводила с Еленой. Они гуляли, ходили по магазинам, в гости, к друзьям. Вскоре они так сошлись характерами, что уже с трудом выносили разлуку.

Живот теперь рос каждую неделю. Беременность протекала без осложнений, и беспокоило Елену только то, что Яков все не появлялся. Каждый день, глядя на фотографию, лежащую возле постели, она укоряла его.

Тетя Марико, вернувшись в Москву, спустя месяц переслала Лене письмо Якова, на этом все и закончилось. Соня называла все новые и новые даты его приезда и всегда завершала

разговор тем, что он «уж непременно придет к Новому году». Слово «вероятно» в этих разговорах звучало чаще всего, и в конце концов тетя Марико сообщила, что Якова призвали в Красную Армию и приехать он пока не сможет. По ее словам, Яков и сам сильно переживал по этому поводу и просил Лену не волноваться.

Беременная Елена, по ночам уткнувшись милым личиком в подушку, тайком от Сикорских плакала о своей жестокой судьбе, о своей мимолетной любви.

Часто думала она и о том, что судьба швыряла ее словно щепку по волнам, о том, как ее переводили с места на место, из семьи в семью, как она меняла адреса, имена и фамилии, и всему этому конца не было видно. Не успевало что-то хоть немного наладиться в ее жизни, как наступало новое ненастье. Задыхаясь в слезах, она подумывала даже о самоубийстве, но эту мысль вскоре отбросила – в ней уже билась новая жизнь, которая с каждым днем все больше и больше вступала в свои права, награждая будущую мать легкими тумачами изнутри. Она, эта жизнь, вселяла в Елену уверенность в том, что она сможет преодолеть любые невзгоды и вернуть утраченную любовь.

В марте приехала тетя Марико и привезла новое письмо от Якова. Письмо было наполнено нежностью, томительным ожиданием и великой любовью. Яков пылко клялся в верности, горячо просил не переживать и беречь здоровье их общего младенца и вновь обещал жениться на ней.

Он заверял, что, несмотря ни на что, они будут вместе – навсегда.

Про себя Елена бранила Якова за то, что он так легко подкинул ее чужим людям. Совместная жизнь с Яковым, подобно сновидению, с каждым днем становилась все недоступнее, а будущее – все туманнее. Однако она не хотела с этим мириться, не желая ставить под сомнение свою выстраданную любовь и запятнать ее подозрениями. Гордость не позволяла ей сделать это, поэтому она терпела и старалась не терять надежды. К тому же ее нынешнее положение имело и свое оправдание: во-первых, она была несовершеннолетней и у Якова из-за этого могли возникнуть большие неприятности, а во-вторых, его призвали в армию, а жена красноармейца обязана хранить верность мужу. «Я должна бороться за свое счастье и за счастье ребенка», – думала она.

Елена и вправду проявляла негибамую волю, тщательно скрывала свои мысли и переживания. Легенду, выдуманную для нее Евгением, она разыгрывала как по нотам, на весьма высокохудожественном уровне. Легко и непринужденно она пересказывала эту басню любопытным соседям, так что никто ни на минуту не усомнился в том, что беременную племянницу Евгения Сикорского вывезли с Украины от голода и эпидемий и что она будет оставаться здесь, пока ее молодой муж не отслужит в Красной Армии и не придет к ней. А потом они уже решат, остаться им здесь или вернуться на Украину.

Елена решила не терять времени даром и после родов экстерном сдать выпускные экзамены в школе, чтобы получить аттестат зрелости. Она усердно занималась. Вдобавок с ней занимались трое учителей из русской школы – друзья Сикорских.

Жизнь шла своим чередом. Шел к концу восьмой месяц беременности. Стояли первые дни апреля, и было уже тепло. Елена, устроившись на общем балконе, грелась на солнышке, поглядывая на возню детей во дворе, когда к ней пришла тетя Марико.

Они стали говорить о Якове. Тетя рассказывала ей занимательные истории из его детства, Елена смеялась. Когда Елена собралась проводить тетю, Марико сказала:

– Не надо провожать. Спустишься по лестнице – потом подниматься будет трудно. Сиди себе на балконе и грейся на солнце.

Она поцеловала Леночку и ушла.

Соседки во дворе поздоровались с Марико. Когда она вышла со двора, Лена услышала их разговор.

– Она же тетя Якова?

– Да, точно, она живет в Москве, очень хорошая женщина.
– Это какой Яков? – спросил кто-то на плохом русском языке. Голос был незнакомым. Казалось, что к соседям пришел в гости некто посторонний.
– Будто не знаешь, какой Яков? – ответила соседка.
– Яков, сын Сталина.
– Ах, сын Сталина? – удивился незнакомец.
– То есть Марико сестра Като?
– А я что тебе говорю? Да, сестра несчастной Като.
– Что-то она зачастила к Сикорским, – сказала другая соседка.
– Особенно после того, как здесь поселилась Леночка. Раньше Марико так часто не приходила.

Елена не верила своим ушам. В голове у нее помутилось, но тем не менее многое услышанное в разговоре странным образом совпало. Елена слышала, что первая жена Сталина умерла. Одни говорили, что она заболела тифом, другие утверждали, что она стала жертвой туберкулеза. Поскольку мама Елены тоже умерла от туберкулеза, ей это запомнилось. Кроме того, соседки часто поминали Якова, сына Сталина. Однако мало ли на свете Яковов? Подозрения Лены усилились, когда она вспомнила, что тетя Марико рассказывала ей, как она растила Якова после смерти его матери. Отец Якова, по словам тети, был революционером.

У Елены начало звенеть в ушах, заболела голова. Она не знала, что делать. Позвать соседей и расспросить подробно? Если они и сплетничали, то в их разговоре не все выглядело вымыслом. Но Лена никак не могла принять услышанного и смириться с этим.

«Неужели Сталину и здесь принадлежит главная роль в моих несчастьях? Сталин выгнал из страны деда, он враг нашей семьи. И Яков... Нет, это же невозможно! Досужие бабы сплетни...» – думала Елена, не понимая, во что можно верить, а во что – нет... – Неужели именно поэтому меня срочно укрыли в Тбилиси и не пускают ко мне Якова?»

Мысли свинцовыми шариками бились в голове. Внезапно она поняла все.

– Так дедом моего ребенка будет Сталин?! – И Лена, вскрикнув от пронзившей ее мысли, зарыдала от отчаянья, закрыв руками лицо.

Переполошившиеся соседки окликнули ее, но Лена ничего не слышала. – Нет, ничего не случилось, – сказала одна из кумушек, – просто плачет. По родным соскучилась, тоскует. Молодая еще... Оставьте ее в покое, поплачет и успокоится.

Через некоторое время Леночка действительно пришла в себя, встала и с трудом вернулась в комнату. Там она тяжело опустилась на кровать и снова заплакала. Она оплакивала всех – мать, отца, дедушку, бабушку, Якова, утраченную любовь, несчастное детство, иронию и превратности собственной судьбы, которая так посмеялась над ней. Она долго обливалась бы слезами, если бы в животе не начались толчки. Тот, кто уже жил в ней, возмущался, что мама оставила всякую надежду и предалась самоистязанию. Ему не нравилось, что нарушали его покой и не считались с его завтрашним днем. Елена, спохватившись, успокоилась, погладила живот и проникновенно сказала еще не родившемуся ребенку:

– Успокойся, жизнь моя, успокойся. Извини меня, извини! Я... я... я тебя никогда не брошу, никогда не предаю. Кем ты ни родишься, я жизнь отдам ради тебя. Ты будешь счастливым. Та радость, которая прошла мимо меня, придет к тебе, мой маленький.

Скоро они оба успокоились.

Соня влетела в квартиру словно безумная – соседки уже успели ей сказать, что Леночка плакала. Она издали окликнула Елену и, увидев ее покрасневшие глаза, обняла ее.

– Что случилось, моя милая, почему плакала? Ведь знаешь, что тебе это вредно. Для тебя сильные переживания вредны. И для малыша плохо. Все утрясется. Все наладится. Ты вот-вот должна родить ребенка, – торопливо говорила Соня.

Леночка перестала плакать и в свою очередь принялась успокаивать Соню. Затем с привычным ей спокойствием, голосом многоопытного человека объявила Соне:

– Я все знаю!

Соня не сразу поняла, что она имела в виду.

– Я все знаю! – повторила Леночка.

– Что ты знаешь?

– Я знаю, чей сын Яков.

Соня от неожиданности поднесла ладонь к губам.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! Неважно откуда. Я и то знаю, что он не допустит, чтобы Яков был со мной.

– Что ты говоришь? Яков безумно тебя любит.

– Это уже не имеет значения. Яков уже не будет моим, но я останусь верной ему и еще вот ему, – и она указала на свой живот.

– Почему ты думаешь, что Якова тебе не отдадут?

– Потому что я – внучка Троцкого.

– Боже мой! – воскликнула Соня и опять прикрыла рот рукой. Что ты говоришь?!

– Это сущая правда, Соня. Я внучка Льва Давидовича, – гордо сказала Елена.

– Дед находился в ссылке, когда умерла моя мать. Затем арестовали моего отца, потом бабушку, а меня поместили в детдом.

– И ты все это так хорошо помнишь?

– Я прекрасно помню все до мелочей, любые подробности. Потом одна воспитательница и ее муж похитили меня из детдома. Сперва я жила в Николаеве, затем меня перевезли в Москву, в семью Приходько.

Оторопевшая Соня была в ужасе. Она не могла проронить ни слова.

– Яков знал об этом?

– Нет. И я тоже ничего не знала о нем.

– Бедная девочка, моя маленькая мученица.

Теперь заплакала Соня, и настал черед Елены ее успокаивать.

– Не надо, не плачь. Ребенку это вредно. Ты же говорила, что на ребенка влияет не только настроение матери, но и настроение окружающих людей. У меня одна просьба к тебе, Соня, – спокойно и деловито обратилась к ней Елена.

– Слушаю тебя, моя девочка. – Соня со слезами на глазах посмотрела на Леночку.

– Не говорите дяде Евгению об этом. Это опасно для вас обоих. После родов я буду думать о том, куда мне податься. А сейчас будет лучше, если об этом никто не узнает.

Это были слова умного, опытного, уверенного в своих силах человека. В голосе чувствовалась твердость и несгибаемый характер.

Соня кивнула, затем спохватилась:

– Елена, я тебя и твоего ребенка никуда не отпущу. Вы будете жить у нас. Ты будешь учиться, потом пойдешь работать. Лучшего города, лучшего народа ты нигде не найдешь. Я тебя никому не отдам, никому, слышишь? И потом, откуда ты знаешь, как поступит Яков или его отец, когда они все узнают? Не думаю, что они откажутся от ребенка. Не хорони никого заранее.

Елена слушала ее молча. Она хоть и пыталась ухватить нить надежды и следовать ей, но внутренне уже была готова ко всему.

Она подошла к Соне и тихо сказала:

– Мы благодарны тебе, тетя Соня, и никогда этого не забудем.

И она крепко обняла плачущую Соню.

* * * * *

16 мая в роддоме на улице Камо Елена родила сына.

Роды принимала Соня. Родился черноволосый мальчик весом в три с половиной килограмма и ростом пятьдесят сантиметров. Появившись на свет, он долго не хотел плакать, упрямылся. Но заплакать его заставили, и плакал он больше от обиды, чем от радости, что явился на свет Божий.

Родился человек, в жилах которого текла кровь двух заклятых врагов, изменивших ход истории всего человечества и перевернувших судьбы миллионов людей. Многих отправили на тот свет, и еще многих ждала подобная участь.

В палату, где лежала Елена, вошла главная акушерка. Елена покормила ребенка и положила его рядом с собой.

– Леночка, как он кушал?

– На «отлично», он у меня молодец.

– Очень хорошо. Лена, мы должны заполнить метрику этого молодца. Что ты решила, как назовешь? Мы должны записать и фамилию отца.

Елена молчала. Она задумалась. Сердце ей говорило одно, а разум диктовал совсем другое. В ее голове мысли боролись друг с другом. Сейчас решалось, какой судьбой она наделит своего ребенка, какую удачу принесет данное матерью имя, в какую сторону отклонится чаша весов его судьбы, уготовит ему жизнь тихое существование или вечную борьбу на передовой.

– Леночка, если ты еще не придумала, я зайду попозже.

– Нет, уже придумала.

Елена взглянула на ребенка. Он спал глубоким сном, сытый и довольный. – Борис.

– Борис?! Хорошее имя. Мне записать?

– Да, запишите, тетя Надя.

– А фамилия?

– Фамилия? – призадумалась Елена. – Фамилия будет Бронштейн.

– Как? – спросила акушерка.

– Бронштейн! Брон-ште-йн, – по слогам произнесла Елена. – Борис Яковлевич Бронштейн.

– Борис Яковлевич Бронштейн, – записала акушерка аккуратным почерком и только затем удивленно взглянула на Елену и тихо вышла, не задавая никаких вопросов.

Елена задумалась: «Что я натворила? Даже возможности не оставила моему сыну для безмятежной жизни. Мало тебе того, что сама вынесла? Что это было, протест или готовность отстоять свое? Назло кому? Назло Якову или его отцу? – Лена вновь взглянула на ребенка, и ей показалось, что Борис улыбался, словно был доволен присвоенным ему именем и фамилией. Затем она успокоила себя:

– Не у всех же одинаковая судьба. Каждый рождается со своей судьбой». Она закрыла глаза и попыталась уснуть.

Из дремы она вышла сразу, как только послышался звук открывшейся двери. В палату вбежала взволнованная Соня.

– Что ты натворила, Елена?

Елена улыбнулась.

– А что я натворила? – вернула она вопрос Соне.

– Почему ты губишь себя? И ребенка?

– У каждого человека своя судьба, – спокойно ответила Елена. – Если он силен и ему суждено остаться в живых, он выживет везде и всюду. Я просто дала ему то, что ему принадлежит. И еще отдам. Отдам все, что смогу.

Соня стояла с побледневшим лицом. Елена не знала, что через три месяца после рождения маленького Бориса расстреляют двоюродного брата ее матери, Бориса Бронштейна. Грешная земля не вынесла одновременного существования двух Борисов Бронштейнов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

23 ноября 1936 года улицы Москвы были сильно заснежены после обильного снегопада. Вечером стало холоднее. В дремучем Кунцевском лесу царил мороз и стояла ледяная тишина. Спокойствие природы нарушала одинокая машина, со скрежетом прокладывая себе дорогу посреди снежного покрова. Она двигалась к ближней даче. Наконец натруженный мотор взревел у ворот. Пассажир опустил окно и сказал начальнику охраны:

– Доложите!

Было одиннадцать часов ночи. На даче горел свет. Офицер, давая понять хозяину, что он идет к кабинету с докладом, нарочито шумно прошагал по коридору, постучался и открыл дверь.

– Разрешите доложить...

– Скажи ему, чтоб вошел, – не дал продолжить начальнику охраны хозяин дачи.

Через минуту у дверей повторилось то же самое.

– Разрешите?..

– Заходи, Александр, – сказал хозяин, не поднимая головы.

Александр Джуга, 28-летний полковник НКВД, был начальником секретного отдела и заместителем начальника личной секретной службы Сталина. Джуга всегда появлялся у хозяина, когда у того не было посетителей.

– Садись, Александр. Ну, что у тебя интересного?

Александр выдвинул стул и сел, положив на колени кожаную папку.

– Товарищ Сталин, я передал вам «дело»...

– Знаю, просмотрел, пока думаю об этом. Спешить не следует. Есть что-нибудь новое по делу Ягоды?

– Да, – ответил молодой полковник и подал ему папку.

Сталин раскрыл ее и принялся читать.

– Лавров что думает?

– Он согласен со мной.

– Хорошо, я подумаю, что делать. Что еще?

– Товарищ Сталин! Я должен доложить, – полковник сделал паузу, – дело касается Якова.

– Он что, снова собирается покончить с собой? – иронически спросил Сталин.

– Нет, товарищ Сталин. Дело совершенно иного рода.

– Рассказывай.

– Яков летом познакомился с шестнадцатилетней школьницей. Ее зовут Елена Николаевна Приходько. Как видно, у них была взаимная любовь. Он сожительствовал с ней в пансионате «Серебряный бор». Летом они часто встречались в квартире на Пречистенке. Видимо, девушка забеременела. Об этом ее родители узнали только спустя три месяца, в октябре. Отец девушки встречался с Яковым. Яков не отрицал близости с его дочерью, сказал, что собирается жениться на ней, однако подождет, пока она завершит учебу в школе. Отец дочери грозился обратиться с жалобой к вам, что Яков совратил его дочь. По его словам, этот факт ставил в неприглядное положение обе семьи. Приходько был оскорблен совращением его малолетней дочери Яковым.

– Кто такой этот Приходько? – процедил сквозь зубы покрасневший Сталин.

– Он старый большевик, революционер со студенческих лет. Учился на инженерно-морском факультете в Санкт-Петербурге. Участвовал в Гражданской войне, защите Петрограда, был на Северо-Западном фронте. Работал в аппарате Зиновьева, некоторое время у Троцкого. Сейчас работает в Отделе промышленности ЦК. Тихий, скромный человек, на хорошем счету. Его ценят как специалиста.

- Да, вспомнил, в 28-м я сказал, чтобы его не трогали. Дальше что?
- Они, видимо, договорились. Яков вел себя осторожно, однако оставил множество следов. Месяц назад Мариам Сванидзе увезла девушку в Тбилиси.
- Опять Маро...
- Она поселила ее у супругов Сикорских. Оба врачи. Соня Сикорская работает в роддоме. Евгений Сикорский – травматолог. Елена Приходько должна родить весной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.